

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 Марта.

СОДЕРЖАНІЕ: По поводу Отчета Театрального Общества.—Тифлисскіе оперетоманы.—Вопросы народнаго театра (окончаніе). II *Иностранца*.—Картины В. М. Васнецова I *А. Ростиславова*.—Музыкальныя замѣтки. *Tritonus*.—Хроника театра и искусства.—Русская частная опера. *А. Хо-ва*.—1840 (окончаніе). *Ю. Бяллова*.—Заграницей.—Золотая

№ 11.

муха (продолженіе). *Д. Мамина-Сибиряка*.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: «Возчикъ Геншель» на Лейпцигской сценѣ.—«Собирались старцы», съ карт. Рериха.—За кулисами театра.

Портреты: А. Д. Гарфильда, Христианса 4 порт. изв. «Бориса Годунова».

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по два руб.
1-го марта и 1-го июня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Контора журнала „Театръ и Искусство“, напоминаетъ подписчикамъ, что при высылкѣ взносовъ, а равно и при всякихъ справкахъ и запросахъ въ конторѣ, необходимо указывать № подписнаго билета или бандероли, подъ которой получается журналъ и, если возможно, то и прилагать печатный адресъ.

За перемѣну адреса петербургскаго на иногородній и обратно уплачивается 60 коп.; иногородняго на иногородній и городского на городской — 25 коп.

С. Петербургъ, 14 марта.

Намъ доставлены корректурные листы отчета Русскаго Театрального Общества за 1898 годъ. Уже по внѣшнему виду отчета можно судить о ростѣ и развитіи Общества: нынѣшній отчетъ въ два-три раза толще отчетовъ прежнихъ лѣтъ и составлять довольно объемистую книжку. Въ отчетъ включены частные отчеты по двумъ Бюро—московскому и петербургскому, по Убѣжищу, по исполненію резолюцій Съѣзда и пр. Нѣкоторыя данныя приводятся нами ниже, другія—въ свое время сообщались въ журналъ. Избраніе В. С. Кривенко председателемъ не прошло безплодно для Театрального Общества. Особенное движеніе, при

новомъ предсѣдателѣ, получили различныя ходатайства Общества въ административныхъ сферахъ. Въ-стѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что съ новымъ предсѣдателемъ значительно усилилась власть Общества. Постепенно въ кругъ его вѣдѣнія входятъ права по надзору и руководителству театральными дѣлами. Совѣтъ Театрального Общества начинаетъ приобретать понемногу дѣйствительную, а не мнимую власть, являясь посредствующею инстанціею между правительственными учрежденіями и сценическими дѣятелями.

Ростъ Театрального Общества выражается въ огромномъ увеличеніи числа членовъ и значительномъ приумноженіи средствъ. Въ 1896 г. въ Обществѣ насчитывалось 325 членовъ. Въ 1898 г. ихъ значится 1459. Съѣздъ сценическихъ дѣятелей послужилъ могучимъ толчкомъ въ развитіи Театрального Общества. Это не минутная вспышка. Какъ мы предсказывали при открытіи Съѣзда, съ этого момента началась новая эра въ жизни сценическихъ дѣятелей—эра внутренняго просвѣтленія и самопознанія.

Отдавая должное дѣятельности Совѣта Общества и въ частности, его новаго предсѣдателя, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не отмѣтить нѣкоторой нерѣшительности въ разрѣшеніи извѣстной группы вопросовъ и въ развитіи извѣстныхъ сторонъ программы. Резолюціи Съѣзда до сихъ поръ не получили надлежащей разработки. Возбуждены ходатайства только по тѣмъ резолюціямъ, которыя предлагали опредѣленныя практическія мѣропріятія. Резолюціи, выражавшія пожеланія Съѣзда, такъ и остались пожеланіями. Намъ думается, что въ данномъ случаѣ Совѣту слѣдовало разработать пожеланія, въ формѣ ли извѣстныхъ ходатайствъ и просьбъ, или въ видѣ какихъ нибудь практическихъ

мѣръ. Напримѣръ, на Съѣздѣ много говорилось о неблаговидности театральныхъ рецензій и о низкомъ уровнѣ, образовательномъ и нравственномъ, газетныхъ рецензентовъ. Пожеланіе, чтобы рецензій писались лучше, а рецензенты были честнѣе и образованнѣе,—очевидно *ria desideria*, и выскажетъ ли такое пожеланіе Съѣздъ сценическихъ дѣятелей или Совѣтъ Театральнаго Общества, это, конечно, ни на волосъ не измѣнитъ положенія вещей. Другое дѣло, если бы Совѣтъ Театральнаго Общества обратился въ редакціи газетъ, съ планомъ желательныхъ въ этомъ дѣлѣ преобразованій,—если бы, напримѣръ, какъ мы неоднократно указывали, принято было высказанное нами мнѣніе объ упраздненіи анонимныхъ рецензій и о введеніи отвѣтственныхъ редакторовъ театральнаго отдѣла. Мы не сомнѣваемся, что такая, легко осуществимая, мѣра встрѣтила бы сочувствіе во многихъ изданіяхъ и, постепенно распространяясь, стала бы обычнымъ явленіемъ въ обиходѣ періодической печати.

Другой примѣръ. На Съѣздѣ было посвящено нѣсколько докладовъ состоянію режиссерской части. Какъ извѣстно, отсутствіе режиссеровъ, въ истинномъ значеніи этого слова,—самое больное мѣсто русскаго театра, и упорядоченіе этого дѣла принесло бы огромную пользу театру и сразу бы подняло его производительность. Мы полагаемъ, что Театральное Общество должно было бы проявить въ этомъ отношеніи какую-нибудь—дѣятельность, изданіемъ ли руководствъ, организаціей ли курсовъ для режиссеровъ или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ.

Собственно филантропическая часть и въ настоящее время занимаетъ довольно скромное мѣсто въ дѣятельности Общества. Прямая филантропія есть мѣра крайняя и, во всякомъ случаѣ, исключительная. Истинная филантропія, какъ и истинно мудрая политика, заключается въ мѣрахъ предупрежденія бѣдствій. Освободить театръ отъ тисковъ кулачества; поднять уровень сценческаго исполненія; развить въ средѣ сценическихъ дѣятелей начала корпоративной связи и экономической самопомощи, страхованія и эмеритуры—вотъ главнѣйшія задачи такого почтеннаго учрежденія, какъ Театральное Общество.

Мы не сомнѣваемся, впрочемъ, что эти, весьма немудрыя пожеланія, вполне отвѣчаютъ истиннымъ намѣреніямъ Совѣта, и что «поставивъ дѣло на рельсы», какъ выразился при своемъ избраніи В. С. Кривенко, не трудно будетъ двинуть его быстрѣе къ намѣченнымъ цѣлямъ.

Въ смыслѣ разрѣшенія великопостныхъ спектаклей нынѣшній сезонъ, по сравненію съ прошлогоднимъ, представляетъ значительный шагъ впередъ. Между прочимъ, разрѣшены даже русскіе опереточные спектакли,—въ Петербургѣ и Тифлисѣ. Большой прогрессъ, если угодно.

Мы не принадлежимъ къ гонителямъ этого вида театральнаго зрѣлища, и попытки нѣкоторыхъ ораторовъ Съѣзда отдѣлать, въ вопросахъ, затрогивающихъ, главнымъ образомъ, экономическіе интересы, драматическихъ и оперныхъ артистовъ отъ опереточныхъ, не считаемъ проявленіемъ истинныхъ товарищескихъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе, признавая право на трудъ одинаково за всѣми артистами, мы не думаемъ, чтобы насажденіе оперетки входило въ кругъ общественныхъ заботъ о художественномъ просвѣщеніи населенія.

Между тѣмъ можно думать, что это именно такъ. Крайне странно, что въ казенномъ тифлисскомъ театрѣ постомъ играетъ русская оперетка.

Сезонъ былъ отданъ смѣшанной италіано-русской оперѣ. Неужели для этихъ цѣлей существуетъ казенный театръ, и только на такую просвѣтительную дѣятельность способна мѣстная дирекція?

Если не ошибаемся, среди членовъ дирекціи тифлискаго театра состоитъ прис. повѣренный г. Опочининъ, авторъ нѣсколькихъ легкихъ музыкальныхъ пьесъ и оперетокъ. Ничего нельзя сказать противъ такого вида музыкальнаго дилетанства. Но не слѣдуетъ личные вкусы переносить на общественное дѣло. Ибо легко можетъ статься, что въ число членовъ дирекціи попадетъ прекрасный танцмейстеръ или солистъ на корнетъ-а-пистонѣ, или отличный фехтовальщикъ. Свое любимое дѣло можно мѣнять въ тайнѣ, но къ государственному и общественному дѣлу слѣдуетъ относиться съ государственной и общественной точки зрѣнія.

Пора понять и усвоить простую истину, что театръ есть школа вкуса, искусства и просвѣщенія, а не учрежденіе, существующее для того, чтобы внести разнообразіе въ сонную жизнь провинціальнаго города. Но крайней мѣрѣ, только въ цѣляхъ культурныхъ и художественныхъ, а не для развлеченія обывателей, государство и общество тратятъ на театры деньги. Развлекается каждый самъ для себя и самъ по себѣ; поучаются и просвѣщаются общими средствами и за общій счетъ... Тратить средства на развлечения, когда земля невѣжествомъ полна—грѣшно и больно, и самъ Оффенбахъ согласился бы съ этимъ. Г. Опочининъ же, который все-таки рангомъ ниже Оффенбаха, согласится съ нами, разумѣется, безъ всякаго спора.

Отъ редакціи.

Второй выпускъ „Словаря сценическихъ дѣятелей“ задержался вслѣдствіе неполученія свѣдѣній отъ нѣкоторыхъ лицъ. Покорнѣйше просимъ дѣятелей, коихъ фамилія начинается съ буквы „Б“, послѣдить присылкою біографическаго о себѣ матеріала.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ получить 1 выпускъ „Словаря“ за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. разошлись, и нѣкоторые номера придется печатать вторымъ изданіемъ, почему высылка комплектовъ новымъ подписчикамъ временно приостановлена. Подписка на полные комплекты принимается; комплекты за 1897 г. (2-е изданіе—въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).

Лицамъ, подписавшимся въ разсрочку и не внесшимъ второго взноса, высылка журнала приостановлена съ № 10-го.

Вопросы народного театра *).

(Окончаніе).

VIII.

Въ числѣ практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ народнымъ театромъ, важнѣйшимъ нужно признать, конечно, вопросъ объ исполнителяхъ. Мы и на него должны смотрѣть съ той же точки зрѣнія, которая была приложена къ репертуару. Если народный театръ долженъ служить эстетикѣ, то, само собой разумѣется, и исполненіе

кажется ансамбль. Трудно ожидать творчества на сценахъ всѣхъ уѣздныхъ городковъ и мѣстечекъ, въ которые несомнѣнно должны, благодаря попечительствамъ о народной трезвости, проникнуть народные театры, но по крайней мѣрѣ должно стремиться къ тщательной постановкѣ и разученности пьесы, такъ чтобы она шла безъ сучка и задоринки. При такихъ условіяхъ и при собственныхъ художественныхъ качествахъ пьесы, отсутствіе индивидуальной талантливости будетъ менѣ замѣтно, и зритель все-таки получитъ впечатлѣніе. Въ этомъ какъ нельзя болѣе примѣняется поговорка *res minimae crescunt*. Такимъ образомъ

«ВОЗЧИКЪ ГЕНШЕЛЬ» на сценѣ Лейпцигскаго театра.

Финаль 4-го акта.

должно быть прежде всего художественнымъ. Исполнителями должны быть знающіе сценическую технику, вносящіе въ роли творчество, талантливые артисты. Однако, при настоящемъ положеніи вещей такой рецептъ можетъ показаться похожимъ на рецептъ того гейневскаго доктора, который надъ трупомъ замерзшаго бѣдняка читалъ проповѣдь о необходимости хорошо питаться, тепло одѣваться и укрываться и соответственно протапливать комнату. Артистовъ-художниковъ очень мало, и ихъ, разумѣется, не можетъ хватить на всѣ народно-общедоступные театры. Значитъ, здѣсь необходимо допустить извѣстное пониженіе исполненія сравнительно съ исполняемымъ, но нужно опредѣлить, до какихъ предѣловъ можетъ доходить это пониженіе, а также и непремѣнный признакъ исполненія. Такимъ намъ

значеніе получаетъ режиссерская часть, на долю которой выпадаетъ забота о самомъ тщательномъ разучиваніи пьесъ.

Примѣняя эту точку зрѣнія къ различнымъ типамъ исполнителей, могущихъ выступить на подмосткахъ народныхъ театровъ, мы должны придти къ заключенію, что въ большихъ городахъ, гдѣ народный театръ наиболѣе общедоступенъ, слѣдовательно наиболѣе доходенъ, самыми желательными исполнителями явятся актеры. Такой театръ въ состояніи платить болѣе или менѣе приличное вознагражденіе, которое можетъ обезпечить артистовъ средняго уровня и удержать ихъ на мѣстѣ, такъ какъ постоянство труппы въ высшей степени важно для ея сыгранности. Примѣръ этого мы видимъ на Василеостровскомъ театрѣ, который отнюдь не блещетъ талантами, но удовлетворяетъ своему назначенію, благодаря разученности и сыгранности. Въ малень-

*) См. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 9.

кихъ театрикахъ достигъ ансамбля гораздо труднѣе. Туда пойдутъ не только самые малоспособные, но и самые недобросовѣстные артисты, да и тѣ изъ всѣхъ силъ будутъ стремиться перейти на болѣе выгодное мѣсто, такъ что постоянная труппа не составится, а слѣдовательно и каждый спектакль будетъ не болѣе какъ случайностью. Въ такихъ мѣстахъ особенное значеніе получаютъ любители, а въ примѣръ Пензенскаго народнаго театра мы имѣемъ самое наглядное доказательство возможности недурно вести дѣло любительскими силами. Мы не говоримъ о матеріальномъ успѣхѣхъ предпріятія. Въ Пензѣ бытовыя пьесы идутъ очень хорошо, а „Женитьба“, напримѣръ, не уступаетъ по постановкѣ многимъ провинціальнымъ театрамъ средней руки. Тамъ нѣтъ актеровъ на сильныя драматическія роли, и „Ванька Ключникъ“, напримѣръ, идетъ очень блѣдно, но все же прилично, такъ какъ помогаетъ сносное исполненіе вторыхъ ролей. Такимъ образомъ любители въ болѣе мелкихъ городахъ имѣютъ наиболѣе шансовъ создать прочное ядро, которое, благодаря своему постоянству, можетъ прекрасно сыграть и разучить рядъ пьесъ. Конечно, въ качествѣ режиссера въ такихъ любительскихъ народныхъ труппахъ желателенъ профессиональный актеръ, который внесетъ въ дѣло сценической навѣкъ и технику. Зато нежелательно порученіе ему завѣдываніе репертуаромъ, такъ какъ „актерщина“ слишкомъ жива, и такой завѣдующій репертуарной частью невольно будетъ гоняться за выигранными ролями, а не за цѣльностью и художественностью репертуара.

Остается третій видъ исполнителей народнаго театра—это тоже любители, но не интеллигентные, а изъ тѣхъ же слоевъ, для которыхъ устраиваются народные театры. Вопросъ объ этихъ исполнителяхъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ категорически. Положимъ, цѣльный Рождественскій театръ на три четверти держится крестьянами-исполнителями; г-жа Сброва оперы ставила тоже съ крестьянами; извѣстенъ цѣлый рядъ солдатскихъ спектаклей; упомянутый уже нами спектакль, устроенный покойнымъ Юрьевымъ, также прошелъ при исполнителяхъ крестьянахъ; недавно въ „Русскомъ Богатствѣ“ была рассказана исторія спектакля, устроеннаго въ чайной полечительствѣ о народной трезвости съ исполнителями изъ менѣе интеллигентныхъ слоевъ населенія; какъ слышно, пожинали лавры въ Ромнахъ крестьяне пригородной деревни, исполнившіе „Наталку Полтавку“. Однако, это возбуждаетъ не мало сомнѣній.

Главная похвала крестьянамъ-исполнителямъ въ газетныхъ отзывахъ заключается въ томъ, что они „роли понимаютъ“. Пониманія, однако, мало, равно какъ и рѣдкихъ проявленій непосредственной талантливости. Если мы говоримъ о народномъ театрѣ, то не о случайныхъ, рѣдкихъ спектакляхъ, а о постоянномъ учрежденіи. Съ этой точки зрѣнія составъ крестьянъ-любителей, при общей ихъ безграмотности и даже необходимости разучивать роли „съ голоса“, врядъ ли можетъ имѣть другое значеніе, кромѣ опытовъ сентиментальнаго народолобія.

Вопросъ о постановкѣ разрѣшается очень просто въ теоріи—къ сожалѣнію, не на практикѣ. Обстановка вещь побочная. Она служитъ только помощницей слова—этого величайшаго художественнаго средства. При Шекспирѣ играли безъ всякихъ декораций, съ одной только доской, которая выставлялась на сцену и на которой значилось, что дѣйствіе происходитъ въ лѣсу, въ замкѣ, на полѣ битвы. И тѣмъ не менѣе, таланты авторовъ и актеровъ вызвали въ зрителяхъ живѣйшія эстетическія впечатлѣнія. Тогда декоративная техника не суще-

ствовала,—теперь она шагнула очень далеко. Тѣмъ не менѣе, суть дѣла не измѣнилась, и обстановка остается средствомъ усиленія иллюзіи, но отнюдь не чѣмъ-то самоудовлѣвающимъ. Развитіе техники привело, къ сожалѣнію, къ тому, что появились „обстановочныя“ пьесы, самый незаконный родъ искусства, если даже ихъ можно назвать искусствомъ. Теперь даже изъ шекспировскихъ пьесъ умудряются дѣлать обстановочныя, забывая для какой обстановки онѣ были писаны. Фееричная обстановка сама по себѣ не можетъ дать художественнаго впечатлѣнія,—наоборотъ, скорѣе можетъ его ступевать, отвлекая вниманіе отъ главнаго, отъ принципа. Это особенно нужно имѣть въ виду въ народныхъ театрахъ, гдѣ публика легко можетъ увлечься этой показной стороной. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ возвращеніе къ шекспировскимъ временамъ. Дѣло идетъ только о такой слияніи формы съ идеей, при которой форма не только не отвлекаетъ вниманіе отъ идеи, но, наоборотъ, выставляетъ ее возможно ярче. Простота обстановки безъ излишняго примѣненія столь излюбленныхъ нынѣ свѣтовыхъ эффектовъ, движущихся облаковъ, звѣздъ, падающихъ въ тотъ моментъ, когда на сценѣ разыгрывается драма—эта простота логически вытекаетъ изъ чисто-художественныхъ задачъ народнаго театра. То же нужно сказать и о балетѣ, который почему-то сильно возлюбили дирекціи театровъ С.-Петербургскаго попечительства народнаго трезвости, особенно балетъ, вставленный въ драму. Онъ превращаетъ послѣднюю въ какой-то дивертисментъ, лишенный всякой художественной цѣльности и единства.

Довольно и тѣхъ дивертисментовъ, которые даются на эстрадахъ при драматическомъ театрѣ, напримѣръ, въ Таврическомъ и другихъ садахъ Спб. попечительства. Эти эстрады какъ-то мало обращаютъ на себя вниманіе, и всѣ убѣждены, что это неважный придатокъ, который никакой связи съ театрами не имѣетъ. А между тѣмъ эта открытая сцена можетъ нанести ударъ и самому театру. Послушайте, что исполняется на этихъ сценахъ. Нелѣпные рассказы изъ еврейскаго, армянскаго и всякаго иного инородческаго быта съ солью, заключающейся въ изображеніи глупости и гнусности разныхъ инородцевъ. Далѣе идутъ куплеты самаго порнографическаго содержания. Развѣ послѣ такой соли не можетъ показаться совсѣмъ безвкуснымъ юморъ Гоголя и Островскаго и развѣ публика не запроситъ и на сценѣ драматической такой же соли и перцу? Само собой разумѣется, такія открытыя сцены должны служить исключительно развлеченію и къ нимъ нельзя предъявлять строгихъ эстетическихъ требованій, но во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы онѣ не стояли въ яркомъ противорѣчьи съ художественными задачами народнаго театра.

Въ заключеніе два слова объ особой платѣ за мѣста для сидѣнія. Объ этомъ вопросѣ говорили въ печати неоднократно. Были и противники, и защитники. Одинъ изъ послѣднихъ („Варш. Днев.“ 1898, № 233) выдвигаетъ даже такое доказательство: „удовольствіе является въ нѣкоторомъ родѣ наградой за трудъ. Кто больше заработалъ, тотъ, понятна, имѣетъ право на большее количество удовольствій“. Само собой разумѣется, этотъ доводъ не выдерживаетъ критики, потому что при устройствѣ народныхъ театровъ, вовсе не имѣется въ виду давать какую-то награду за большее или меньшее количество труда, а просто—внести въ жизнь народа освѣжающее и поднимающее развлеченіе. Необходимость платы за мѣста для сидѣнія доказывается гораздо проще—обеспеченіемъ самаго театра. Мы уже объясняли, что народный театръ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, долженъ

быть общедоступнымъ, и интеллигенція въ него ходить не перестанетъ. Для нея главнымъ образомъ и предназначены эти мѣста со сравнительно высокой цѣной. Такимъ образомъ, эта интеллигенція, которая, по мнѣнію г. Щеглова, нахально садится за чужой столъ, оплачиваетъ существованіе народнаго театра. Примѣръ этого мы видимъ на Пензенскомъ театрѣ, матеріальный успѣхъ котораго зиждется, конечно, не на пятакowychъ и десятикопѣчныхъ мѣстахъ, а на рублевыхъ. И такъ почти вездѣ.

Ив. Иноземцевъ.

Картины В. М. Васнецова.

Только что закрылась великолѣпная выставка картинъ В. М. Васнецова. Имѣла ли она тотъ громадный успѣхъ, который, казалось бы, обуславливался появленіемъ въ первый разъ передъ петербургскою публикой нѣкоторыхъ старыхъ, неизвѣстныхъ еще ей, и новыхъ дивныхъ произведеній этого гениально-одареннаго, глубоко оригинальнаго художника, являющагося крупнѣйшей величиной среди всѣхъ современныхъ художниковъ вообще—не въ одной только области живописи? Печать отнеслась къ ней, хотя, конечно, одобрительно, но какъ-то вяло, публика усердно посѣщала ее только въ послѣдніе дни, замѣчу въ скобкахъ, совпавшіе съ

послѣдними днями масляницы, совершенно такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ очень интересную выставку эскизовъ, устроенную Рѣпинимъ, тоже встрѣтившую въ прессѣ или вялое одобреніе, или молчаніе. А между тѣмъ у всѣхъ еще въ памяти безумный успѣхъ прошлогодней пресловутой „Дирцен“ Семирадскаго, изъ-за которой подняли такой трезвонъ „наши распространенныя“ газеты, изъ-за которой ломалось столько копій, которая, казалось, всколыхнула даже равнодушную часть нашей публики, выдѣлившей и въ печать столько крикливыхъ и фальшивыхъ „голосовъ“. Фактъ чрезвычайно яркій, чрезвычайно знаменательный, вѣчно старый и вѣчно новый въ сферѣ искусства, вѣчно подтверждающій пословицу: „по Сенькѣ шапка“. Банальная картина, непременно, конечно, „знаменитаго“ художника, восторженно банальныя статьи въ самой банальной и потому въ „самой распространенной“ газетѣ и громадный успѣхъ обезпеченъ, ибо банальность милѣ всего и болѣе всего по плечу нашей публикѣ; съ другой стороны, дивныя произведенія оригинальнѣйшаго художника и сравнительно равнодушное отношеніе прессы. Чрезвычайно характерно, что самымъ большимъ успѣхомъ на выставкѣ пользовалась картина, „Богатыри“, хотя она, не смотря на размѣры и извѣстную эффектность, занимала по художественному значенію далеко не первенствующее мѣсто,—картина, при всѣхъ ея крупныхъ достоинствахъ, не вполнѣ удачная и несомнѣнно приближающаяся болѣе всѣхъ другихъ выставленныхъ картинъ именно къ излюбленной банальности.

Поразительно своеобразный, громадный талантъ Васнецова ярко индивидуаленъ и характеренъ какъ

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

«Сходятся старцы» картина Н. Рериха.

(Дремлетъ земля Святорусская,
Закрывается туманомъ пологомъ).

въ его крупнѣйшихъ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ. Въ смыслѣ воспроизведенія, такъ называемой техники Васнецовъ, конечно, не перво-классный мастеръ; онъ, безъ сомнѣнія, далеко перешагнулъ ту грань выполненія, за которой искусство становится только благими намѣреніями; у него есть та гибкость рисунка, та гармоничность общаго тона, которыя бывають свойственны только перво-класснымъ мастерамъ; во многихъ его вещахъ есть чудныя подробности выполненія, и тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія колорита и рисовальщика, у него, даже въ лучшихъ вещахъ, можно найти промахи рисунка, въ смыслѣ пропорцій и особенно формы. Его рукой, какъ выражались въ старину, водить вдохновеніе, шодъ вліяніемъ котораго онъ можетъ блеснуть перво-класснымъ мастерствомъ, но у него нѣтъ строгой, прочной, постоянной техники перво-классныхъ художниковъ-мастеровъ. Какъ слабы, напр., всѣ его портреты на послѣдней выставкѣ (родъ живописи совершенно ему чуждый, гдѣ виртуозное мастерство играетъ такую большую роль) и по рисунку, и по тону, какъ мало въ нихъ мастерства современныхъ портретистовъ, тонкаго пониманія формы, даже вкуса въ постановкѣ, въ освѣщеніи, въ подборѣ тоновъ, и какъ хорошо, точно другой рукой нарисована, выдѣлена и написана головка Сириня въ картинѣ! И тѣмъ не менѣе индивидуальность таланта Васнецова такъ ярка, личность его, какъ художника, столь кружна, такъ глубоко художественно затрогиваетъ онъ интереснѣйшія сферы ума и чувства, такъ могуча и поразительна сила его фантазій, его вдохновенія, проникновенія, охватывающаго самую суть, самую глубину изображаемаго, что окруженные и очарованные этой силой, этимъ талантомъ, этой личностью, мы не только перѣдко не замѣчаемъ недостатковъ выполненія, а и замѣтивъ ихъ, не позволимъ себѣ, да и не захотимъ говорить о нихъ, и даже мало того, они могутъ получить въ нашихъ глазахъ своеобразную прелесть, какъ нѣчто милондивидуальное. Ибо, какихъ бы ни держаться эстетическихъ теорій, какъ бы строго ни относиться къ исполненію, къ техникѣ, нельзя не признать, что искусство въ концѣ концовъ выше и шире всякихъ научныхъ теорій, что оно можетъ заставить умолкнуть самую придирчивую критику, можетъ заставить даже вещи слабыя въ техническо-художественномъ отношеніи признать, тѣмъ не менѣе, великими произведеніями. Приведу въ примѣръ другого художника, Сурикова. Ужъ это ли художникъ не беззаботный на счетъ формы, съ грубымъ, иногда топорнымъ рисункомъ, съ чернымъ колоритомъ, а между тѣмъ не останется ли, напр., его „Боярыня Морозова“ навсегда однимъ изъ шедевровъ русской живописи по удивительной силѣ выраженія, проникновенія, по широтѣ историческаго захвата?

Съ чувствомъ величайшей радости можно отмѣтить, что талантъ Васнецова ослѣпительно-ярко блеснулъ въ самыхъ послѣднихъ его картинахъ—оригинальнѣйшихъ „Сказочныхъ птицахъ“. Картины эти всѣмъ нравятся, а между тѣмъ, многіе ли даютъ себѣ отчетъ, да и легко ли его дать, въ чемъ именно, помимо удивительной оригинальности, заключается очаровательная прелесть этихъ странныхъ фигуръ. Что, казалось бы, можетъ быть красиваго и интереснаго въ довольно нелѣпомъ соединеніи женской головы съ тѣломъ птицы, въ этихъ совершенно чуждыхъ нашимъ интересамъ забытыхъ апокрифическихъ фигурахъ, изъ которыхъ большинству публики приходилось кое-что слышать и читать развѣ только о „Сиринѣ“? Чаруетъ и приковываетъ удивительная *жизненность* этихъ фигуръ въ ореолѣ оригинальной красоты и фантастической поэзіи. Задаваясь

сюжетами сказочными, фантастическими, мнѳологическими, Васнецовъ даетъ намъ не холодныя, надуманныя аллегоріи, а силой своего таланта, поразительнаго проникновенія заставляеть насъ вѣрять въ возможность, реальность самаго фантастическаго, онъ не придумываетъ, а какъ бы воспроизводитъ эти странныя существа, заставляеть вѣрять, что они не могли бы быть иными и въ иной обстановкѣ. Но глубокий интересъ не исчерпывается ихъ, такъ сказать, историчностью: художникъ придалъ имъ что-то удивительно *человѣчное*, близкое намъ и глубоко для насъ интересное, въ нихъ наше горе, наша радость, наше смутное предвидѣніе и страхъ будущаго. Какой поразительный трагизмъ настроенія въ вѣщей фигурѣ „Гамаюна“ съ проникновенно смотрящими глазами, которыми ясна и страшна тайна будущаго, съ вздымающимся космами волосъ, съ взбудораженными вѣтромъ перьями, на фонѣ зловѣщаго розовато-багроваго неба и отражающей его воды!.. Какъ олицетворено здѣсь то настроеніе смутной тревоги, смутнаго предчувствія и вѣчнаго страха будущаго, какое иногда навѣваетъ природа!.. Сколько ликованія, торжества, упоенія радостью въ свѣтлой красивой фигурѣ Сириня съ распростертыми впередъ, какъ бы готовыми обнять, крыльями, въ запрокинутой назадъ головѣ съ красивымъ жизнерадостнымъ лицомъ и сколько безысходнаго горя и тоски въ желтомъ изможденномъ лицѣ и мрачныхъ глазахъ поинкшею на крыло черной фигуры Альконоста! А какъ все это восхитительно красиво и интересно выражено, какія чудныя детали! Гармоничность и прелесть общаго тона, не смотря на кажущуюся пестроту въ „Гамаюнѣ“, прекрасный и гармоничный, если можно тамъ выразиться, контрастъ двухъ другихъ фигуръ, такъ удачно взятое по пропорціямъ и столь красивое соединеніе женскаго торса съ тѣломъ птицы, восхитительно и нарядное опереніе Сириня и Гамаюна, условна и оригинальна вѣтка, на которой сидитъ Гамаюнъ, и райское дерево въ другой картинѣ на красивомъ фонѣ розовато-багроваго неба. Какое поразительно удачное и гармоничное соединеніе фантастической условности съ яркой жизненностью, реализмомъ, какая прелесть, красота, поэзія, и въ каждой детали сказывается дивный талантъ, дивная фантазія художника. Талантъ этого художника такъ великъ, фантазія его такъ глбака, такъ богата его личность и широка его душа, что ему одинаково доступны и фантастичность, и реальная обыденность, и высшій трагизмъ, глубина и нѣжность чувства и милый наивный, добродушный юморъ. Совѣмъ въ другой міръ переносятъ насъ дивныя маленькіе акварельные рисунки, скромно названные „Декорациями и костюмами къ „Синѣгурочкѣ“ А. Н. Островскаго. Передъ нами ярко встаетъ своеобразная жизнь, что-то намъ удивительно близкое и дорогое, удивительно граціозное и поэтическое и въ то же время мило-комическое, добродушное и простодушное, жизнь въ какой-то невѣдомой глуши вдали отъ всего міра и его тревоженій въ веселыхъ градахъ „среди радостныхъ пѣсенъ по рощамъ и доламъ“, въ постоянномъ любовномъ общеніи съ природой, гдѣ и страсти, и горе, и страданія носятъ мягкій отѣнокъ, и тонуть, и распливаются въ лучахъ весенняго солнца. Какой восхитительный, граціозный комизмъ въ этихъ милыхъ рисункахъ! Вотъ „премудрый царь Берендей“ во всемъ наивномъ великолѣпіи своего царскаго костюма; въ лицѣ его столько старческой доброты и дѣйствительной мудрости. Какъ за каменной стѣной живутъ за нимъ эти наивно-важные добродушные бояре, которымъ можетъ быть всего и дѣла то—стоятъ рядышкомъ, поглаживая бороды,—эти комичные старики Берендей,

въ фигурахъ, которыхъ столько простоты и безмятежности. Весело, легко, привольно живетъ милымъ, наивнымъ, красиво одѣтымъ, по своему кокетливымъ Берендейкамъ и потѣшнымъ „робятамъ“ Берендеймъ, не подозрѣвающимъ всего комизма ихъ здоровенныхъ фигуръ. Самъ страшный „Лѣшій“ какой-то въ тоже время наивный и добродушный, и не столько пугаетъ, сколько приятно волнуетъ компанію. Нисколько не внушительны, не смотря на ревностное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, и добродушно-комичныя фигуры Вирючей. А вотъ и артисты, безъ которыхъ, видно, нигдѣ нельзя обойтись, примитивные скоморохи, удовлетворяющіе невзыскательному вкусу и безъ того веселаго народа, и удивительные гуслеры-слѣпцы, такіе серьезные и строгіе въ своихъ бѣлыхъ кафтаныхъ; въ ихъ пѣсняхъ, такъ и чувствуется, подъ тихій звонъ струнъ, звучать напѣвы еще болѣе глубокой старины, отъ которыхъ и для поэтическихъ Берендеевъ вѣетъ сладкой отдаленной поэзіей. Какъ восхитительны, уже безъ примѣси комизма, фигуры Купавы, изящнаго пастушка Леля съ вѣнкомъ цвѣтовъ на русыхъ кудряхъ и особенно Снѣгурочки, такой хрупкой, нѣжной, такой изящно-грустной! Съ какою силою чувствуется историческій элементъ въ красивыхъ и оригинальныхъ костюмахъ этого выдуманнаго народа, и живо встаетъ передъ нами его обстановка и окружающая природа въ наивно расписанной, но тѣмъ не менѣе удивительно своеобразной и красивой „Палатѣ царя Берендея“,—въ томъ родномъ и близкомъ намъ пейзажѣ, гдѣ изъ занесеннаго снѣгомъ лѣса видѣется вдаль посадъ Берендеевъ, съ его золотыми и разноцвѣтными маковками, въ „Ярилиной долині“, этомъ чудѣ фантастической прелести. Вѣдь эти чудно нарисованныя уже со всей гибкостью первокласснаго таланта маленькія акварели—не иллюстраціи къ извѣстному произведенію, давшему имъ только схему; вѣдь художникъ создалъ въ нихъ цѣлую жизнь, почти заставляя вѣрить въ реальность существованія этихъ милыхъ фигурокъ,—такъ глубоко заинтересовываетъ насъ, такъ привлекаетъ этой своеобразной жизнью, сотканной изъ самой примитивной обыденной реальности и тончайшей поэзіи. Прелесть исполненія этихъ рисунковъ всѣмъ понятна, а тѣмъ не менѣе очень многіе относятся къ нимъ, какъ къ наброскамъ, эскизамъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Удѣляя часть своего времени и вниманія искусству, почтенный петербуржецъ и въ немъ предпочитаетъ кажущуюся солидность, основательность, на выставкахъ его всегда болѣе всего привлекаютъ большія „огромныя“ картины, не по сердцу ему эскизы и рисунки; увы! онъ и произведенія искусства готовъ мѣрить аршинами и вершками. Уже а priori можно было предсказать, что на выставкѣ болѣе всего публики будетъ толкаться, восхищаться и ахать передъ громадными „Богатырями“, искусственно подогрѣвая себя. Почтенному петербуржцу извѣстно, что Васнецовъ величина очень крупная, что нельзя не побывать на его выставкѣ, что приходится восхищаться; такъ ужъ лучше восхищаться большою картиной. А между тѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, въ „Богатыряхъ“ именно нѣтъ собственныхъ Васнецова силы и проникновенія, картина написана какъ бы по заказу, какъ бы человѣкомъ усталымъ, и потому невольно остаешься холоднымъ передъ ней, невольно замѣчаешь „мелочи“ исполненія.

А. Ростиславовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Музыкальныя замѣтки.

Въ понедѣльникъ, 8-го марта, въ Маринскомъ театрѣ состоялось первое представленіе перваго абонемента, при почти пустой залѣ. Шелъ безсмертный „Лоэнгринъ“. Очевидно, что г-жа Больска, превратившаяся на время Великаго поста въ гастроершу, и г. Бланшаръ—слабые магниты для избалованной петербургской публики. Безъ всякаго сомнѣнія, дирекція заплатитъ за свою довѣрчивость и останется въ накладѣ.

Г. Бланшаръ выступилъ въ роли графа Тельрамунда и обнаружилъ въ ней отсутствіе драматическаго дарованія. По нашему, г. Черновъ былъ неизмѣримо выше въ этой роли, сумѣвъ придать этому злодѣю вѣрную окраску. Каждый мускулъ лица принималъ участіе въ душевномъ настроеніи вагнеровскаго героя. Эта особенность дарованія Чернова заставляла порой забывать его неблагодарный голосовой матеріалъ. Что же намъ далъ намъ „дорогой“ гастроершъ? Его лицо крайне невыразительно, а жесты и мимика не выходятъ за предѣлы той, къ которой насъ приучили италянцы: то приложитъ руку къ сердцу, то разведетъ объѣ по сторонамъ и все въ такомъ же родѣ. А голосъ? Довольно заурядный. Такихъ пѣвцовъ вы услышите за границей силою и рядомъ; они составляютъ частіцу ансамбля—и только... Рядомъ съ голосомъ Бланшара выдѣлялся прекрасно голосъ нашего Шаронова, исполнявшаго въ тотъ же вечеръ гламатая. Первое дѣйствіе было проведено г. Бланшаромъ бездѣлно во всѣхъ отношеніяхъ, а голосъ звучалъ не хорошо и тремолоція была порой несносна. Во второмъ дѣйствіи, въ дуэтѣ съ Ортрудой (г-жа Каменская), артистъ нисколько изгладилъ первое впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе до восторговъ было далеко... Онъ пѣлъ по италянски, а графиня его, злодѣйка-жена, отвѣчала ему по русски. Очевидно, Ортруда фонъ-Тельрамундъ не была лингвисткой и довольствовалась нашимъ добрымъ русскимъ языкомъ... Какое антиэстетическое впечатлѣніе получается отъ смѣшенія языковъ—всѣмъ достаточно извѣстно. Что сказалъ бы Рихардъ Вагнеръ, стремившійся къ сценической правдѣ, услыхавъ своихъ героевъ, поющихъ на разныхъ языкахъ?.. „Гастроерша“ г-жа Больска въ роли Эльзы всѣмъ извѣстна. Она ее исполняла въ теченіе сезона съ тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и въ этотъ разъ. Разница же въ томъ, что во время сезона она получала за выходъ 600 р., а теперь—1000 р. Игра ея не выходитъ за предѣлы рутинны, а голосъ, хорошо звучащій въ среднемъ регистрѣ, въ верхнемъ и нижнемъ производитъ впечатлѣніе какъ будто чего-то дѣланнаго. Зато умѣние владѣть голосомъ дѣлаетъ ей честь. Если г-жа Больска не претендовала бы на „гастроершу“, то она была бы въ нашей труппѣ весьма полезной пѣвицей, но, очевидно, она этимъ не вполне довольствуется. Побѣдителей не судятъ, а поэтому пожелаемъ ей извлечь всевозможныя выгоды изъ ея случайнаго положенія.

Г. Майборода въ роли короля замѣнилъ заболѣвшаго г. Серебрякова: его голосъ порой звучалъ красиво, но чувство ритма, отсутствующее у него, вредило цѣльности впечатлѣнія. Г. Морской просилъ снисхожденія у публики, ибо чувствовалъ себя нездоровымъ, но тѣмъ не менѣе пѣлъ хорошо. Роль Лоэнгринъ совершенно въ средствахъ этого пѣвца. Г-жа Каменская все еще умѣетъ срывать аплодисменты своими высокими нотами, но прежнему полными силы и красоты. О г. Шароновѣ (гламатая) сказано выше. Обстановка и костюмы частью новы, но они не поражаютъ: мы привыкли къ блеску обстановки въ Императорскихъ театрахъ. Хоръ мѣстами слишкомъ назойливо выдѣлялся (тенора) и исполненіе было лишено тѣхъ отбѣнокъ, къ которымъ мы привыкли, когда оперой руководитъ г. Направникъ; то же можно сказать и объ оркестрѣ. Въ первомъ дѣйствіи были значительныя погрѣшности интонаціи у солистовъ и у хора.

Но все искупала дивная музыка Вагнера! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что „Лоэнгринъ“—лучшее его произведеніе. Новизна приемовъ, глубина и неотразимая красота вдохновенія, замѣчательная оркестровка, полная изобрѣтательности, и наконецъ удивительное сочетаніе текста съ музыкой, т. е. сценическая правда, даютъ намъ право причислить „Лоэнгринъ“ къ классическимъ произведеніямъ. Поэтическое драматическое произведеніе Вагнера будетъ оценено и другими поколѣніями, которыхъ оно согрѣетъ силою божественнаго вдохновенія.

Trilonus.

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Советъ Русскаго театральнаго общества получилъ 12 марта отношеніе Департамента полиціи слѣдующаго содержания:

Вѣдѣствіе сообщенія отъ 4 сего марта за № 541 Департамента полиціи, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ честь уведомить Советъ Русскаго театральнаго общества, что сему Совету предоставляется право входить въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ о запрещеніи составлять труппы и открывать театры лицамъ завѣдомо въ этомъ отношеніи неблагонадежнымъ.

* * *

Годовница перваго Съезда сценическихъ дѣятелей, стала въ театральной средѣ чѣмъ-то въ родѣ академическаго праздника.

Во вторую годовщину, 9 марта въ помѣщеніи театрально-справочнаго бюро Русскаго театральнаго общества въ Москвѣ, происходило настоящее торжество.

Къ 1 часу дня залы бюро были переполнены съѣхавшимися въ Москву провинціальными артистами; присутствовали также: предѣдатель Русскаго театральнаго общества В. С. Кривенко, члены совета Русскаго театральнаго общества А. А. Бахрушинъ и Е. П. Карповъ, А. П. Южинъ, Вя. П. Немировичъ-Данченко и многіе артисты московскихъ частныхъ театровъ.

Послѣ молебствія В. С. Кривенко, представившій присутствовавшимъ, какъ новый предѣдатель театральнаго общества, сказалъ, что советъ театральнаго общества находится въ Петербургѣ, потому что всѣ центральныя учрежденія находятся тамъ; но советъ прекрасно понимаетъ, что центръ театральной дѣятельности, душа ея — въ Москвѣ. Театральное общество было небольшимъ обществомъ, въ нѣсколько сотъ человекъ, и, какъ нѣкогда сказачному Литею, чтобы набраться силъ, пришлось прикоснуться къ матерн-земли, такъ и обществу достаточно было прикоснуться къ нѣдрамъ театральнаго міра, чтобы сразу разростись въ крупнѣйшую величину. Открытіе перваго Съезда, совпало съ 9-мъ марта — календарной весной; это была первая весна театральнаго дѣла въ Россіи. Затѣмъ, поступилъ вопросъ о средствахъ. В. С. Кривенко заявилъ, что общество вступило въ 1899 годъ съ излишкомъ средствъ въ 23 тыс. руб., затѣмъ ораторъ прочиталъ отношеніе г. министра финансовъ о Высочайшемъ пожалованіи обществу 10 тыс. руб.; чтеніе было покрыто единодушнымъ, восторженнымъ „ура!“ В. С. Кривенко сказалъ еще, что считаетъ долгомъ огласить здѣсь своей докладъ г. министру внутреннихъ дѣлъ по поводу его представленія Государю Императору, когда онъ имѣлъ счастье принести Его Величеству благодарность за оказанную обществу милость.

Впечатлѣніе этого доклада на присутствующихъ описуемо; волненіе счастья и радости было написано на всѣхъ лицахъ, у многихъ на глазахъ были слезы. „Гимни!“ — крикнулъ кто-то, и вса масса присутствующихъ сплелась въ звукахъ „Боже, Царя храни“. Это была трогательная минута! Многократные раскаты оглушительнаго „ура!“ покрыли звуки гимна.

Общія чувства и настроеніе выразились въ телеграммѣ на имя министра финансовъ С. Ю. Витте съ просьбой повернуть къ стенамъ Государя Императора выраженіе вѣроподобнѣйшихъ чувствъ и безпредѣльной благодарности за оказанную театральному обществу новую милость — ежегодное пособіе изъ средствъ государственнаго казначейства.

Вторая телеграмма была отправлена на Имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Великаго Князя Сергія Александровича, изволившаго быть почетнымъ предѣдателемъ перваго съезда.

По желанію присутствующихъ послана была также слѣдующая телеграмма товарищу предѣдателя Русскаго театральнаго общества А. Е. Молчанову:

«Съѣхавшіеся въ Москву артисты, отслуживъ молебствіе о драгоценномъ здравіи Государя Императора, въ знаменательный для всѣхъ русскихъ сценическихъ дѣятелей день 9-го марта, чувствуютъ живѣйшую потребность сердца выразить единодушную, сердечную признательность совету Русскаго театральнаго общества, какъ инициатору событія, годовщину котораго мы правдуемъ сегодня. Памятуя то активное и плодотворное участіе, которое вы, Анатолій Евграфовичъ, принимали въ трудахъ съезда, какъ предѣдатель второго отдѣла, мы пользуемся случаемъ привѣтствовать въ вашемъ лицѣ постоянного и горячаго поборника улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта русскихъ артистовъ и просимъ васъ явиться выразителемъ нашихъ чувствъ передъ советомъ

русскаго театральнаго общества, который, не покладая рукъ, постоянно печется о нашемъ дальнѣйшемъ преуспѣваніи».

Затѣмъ г. Галицкій прочиталъ адресъ В. С. Кривенко, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, слѣдующаго содержанія:

«Глубокоуважаемый Василій Силновичъ! Пользуясь вашимъ присутствіемъ въ Москвѣ на праздничномъ знаменательномъ для насъ годовщины перваго Съезда сценическихъ дѣятелей, мы чувствуемъ живѣйшую потребность выразить вамъ глубокое уваженіе и сердечную признательность, которая была неразрывно связана съ вашимъ именемъ еще на мѣстахъ нашего служенія въ провинціи, куда проникали отголоски о вашей энергичной и плодотворной для Русскаго театральнаго общества дѣятельности. Сравнительно недавно приняли вы на себя руководство дорогимъ для всѣхъ насъ дѣломъ; но вы сразу въ русскаго актера и его будущее, ваша ответственность на его нужды, ваша неустанная энергія дали вамъ возможность достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ въ упроченіи тѣхъ устоевъ, которые могутъ обезпечить благополучіе русскаго актера и положеніе его семьи въ случаѣ неспособности къ труду или смерти.

Первые же шаги вашей дѣятельности поставили подъ контроль театральнаго общества всѣ драматическіе курсы и школы, эти будущіе питомники русскаго театра; вашъ авторитетный призывъ привлекъ новый притокъ денежныхъ средствъ; наконецъ, вы удостоились обратить на общество Августѣйшее вниманіе Государя Императора, слѣдствіемъ чего явилась покая Монаршия милость къ нуждамъ общества. Глубоко сочувствуя всему, достигнутому вами, мы считали бы себя счастливыми, если бы вы, многоуважаемый Василій Силновичъ, возымѣли полную увѣренность въ солидарности провинціальнахъ сценическихъ дѣятелей съ вашими благодѣтельными начинаніями».

Адресъ былъ украшенъ изящной выеткой художника Денисова, изображающей видъ Москвы, членскій значокъ съезда и эмблемы искусства.

Чтеніе адреса было покрыто бурными аплодисментами; В. С. Кривенко со свойственною ему скромностью отвѣтилъ въ нѣсколькихъ словахъ, и предложилъ отправить телеграмму А. А. Потѣхину.

Добрѣю и сердечнымъ отношеніямъ, устанавливающимъ между Театральнымъ Обществомъ и дѣйствующими силами русскаго театра можно только порадоваться... И да растетъ и крѣпнеть эта связующая сила...

* * *

По приказанію министра Императорскаго Двора, подъ высшимъ наблюденіемъ директора Императорскихъ театровъ и подъ непосредственнымъ предѣдательствомъ управленія дѣлами дирекціи, д. е. с. Погосева, образована особая „комиссія для составленія общаго положенія объ Императорскихъ театрахъ“. На эту комиссію возложены: 1) Разработка и новое изданіе штата дирекціи по всѣмъ частямъ ея службъ. 2) Изготовленіе первоначальнаго проекта измѣненій и дополненій существующаго законодательства по театральной части. 3) Составленіе общаго систематическаго положенія объ организационнѣ и дѣятельности дирекціи Императорскихъ театровъ и разработка въ связи съ нимъ частныхъ уставовъ и инструкцій по разнымъ частямъ театральнаго дѣла. 4) Составленіе нормальнаго бюджета дирекціи. Комиссія можетъ приглашать въ свои совѣщанія, съ правомъ голоса, лицъ, по своей специальности и опыту могущихъ, изложить своихъ мнѣній и заключеній, оказать пользу трудами комиссіи. Труды эти положено начать въ мартѣ текущаго года; срокъ исполненія возложенной на комиссію задачи опредѣленъ полуторагодовой, т. е. къ 1-му сентября 1900 года.

* * *

Занемствуемъ изъ Отчета Русскаго театральнаго общества за 1898 г. существенныя данныя. Дѣйствительныхъ членовъ состоитъ 1,353, пожизненныхъ 61, почетныхъ 13 и Особь Императорской фамилии 3. Всѣхъ доходовъ за 1898 г. было 24,068 р. 19 к., расходовъ 10,389 р. 24 к. Пособійъ выдано на сумму 3,297 р. 45 к.

Изъ числа всѣхъ пособій въ суммѣ 3,297 р. 45 к. выдано: а) 19 членамъ Общества 1,180 р., б) 33 не членамъ 1,792 р. 45 к. и в) 325 р. труппѣ артистовъ, оставшихся безъ заработка послѣ пожара театра; на воспитаніе и обученіе дѣтей израсходовано 1,234 р. 79 к. (изъ той же суммъ 3,297 р. 45 к.).

Неприкосновенный капиталъ Убѣжища составляетъ 15,299 р. Въ 1899 г. предполагается содержать въ немъ 17 человекъ. О планахъ работъ по резолюціямъ Съезда и о ходатайствахъ Общества мы уже сообщали. Заслуживаютъ вниманія данныя о дѣятельности московскаго Бюро. Дѣятельность Бюро Общества расширилась. За время съ 1-го января 1898 года по 1-е января 1899 года получено Бюро писемъ и телеграммъ 5,394 и послано отвѣтовъ и запросовъ 8,076. Въ числѣ полученныхъ Бюро писемъ за

ключается: 1) просьба объ ангажементах—1,017; 2) запросъ предпринимателей о сценическихъ дѣятеляхъ и гастролерахъ—514, 3) отвѣтовъ сценическихъ дѣятелей съ сообщеніемъ условий—397, отказовъ сценическихъ дѣятелей отъ предложенныхъ ангажементовъ—132, 5) писемъ о сдачѣ театровъ—370. Въ числѣ отправленныхъ изъ Бюро писемъ и телеграммъ заключается: 1) отвѣтовъ на просьбы относительно ангажементовъ—911, 2) предложеній ангажементовъ сценическимъ дѣятелямъ—473, 3) переговоровъ съ предпринимателями о сценическихъ дѣятеляхъ—995, 4) переговоровъ со сценическими дѣятелями о предпринимателяхъ—613 и 5) по сдачѣ театровъ—547.

Въ теченіе указаннаго выше періода заключено черезъ Бюро 879 контрактовъ на сумму 146,751 р. 36 к., изъ коихъ по ангажементамъ сценическихъ дѣятелей 856 контрактовъ на сумму 115,958 р., по сдачѣ театровъ 21 контрактъ на сумму 29,243 р. и по прокату и продажѣ костюмовъ 2 контракта на сумму 1,550 р.

Въ отчетѣ приводятся далѣе выдержки изъ отчета Бюро. Дѣятельность частныхъ агентовъ подвергается въ нихъ рѣзкому осужденію.

Не меньшимъ зломъ является легкомысленное отношеніе къ дѣлу и принятымъ на себя обязанностямъ, наблюдаемое, къ несчастію, весьма нерѣдко какъ со стороны антрепренеровъ, такъ и со стороны артистовъ. „Подъемъ нравственнаго чувства сценическихъ дѣятелей послѣ перваго съѣзда“, говорится въ отчетѣ по этому поводу, „былъ настолько великъ, что Бюро, какъ органъ Русскаго Театральнаго Общества, въ представленіи заинтересованныхъ сторонъ, являлось мѣстомъ, гдѣ не могъ быть допущенъ никакой неблаговидный поступокъ. Нѣсколько случаевъ, когда взвишіе авансы на мѣста не пріѣдутъ, оставшись безнаказанными, могутъ весьма прискорбно отозваться на дальнѣйшей дѣятельности Бюро, а потому безусловно необходимо выработать и примѣнить на практикѣ мѣры наказанія“. Къ таковымъ отчетъ относитъ: 1) фамиліи лицъ, нарушившихъ контракты безъ уважительныхъ причинъ и даже возвратившихъ полученные авансы—выѣзжать въ помѣщеніи Бюро и опубликовать въ ежегодныхъ отчетахъ Общества, 2) лицъ, нарушившихъ контракты, взявшихъ авансы и уѣхавшихъ служить въ другія мѣста и въ то же время не возвратившихъ взятые авансы—исключать изъ числа членовъ Общества, о чемъ также печатать въ ежегодныхъ отчетахъ. Тѣ же мѣры желательно было бы примѣнить и къ предпринимателямъ, безъ уважительныхъ причинъ неисполнявшимъ своихъ обязательства по отношенію къ сценическимъ дѣятелямъ и завѣдомо заключающимъ контракты съ артистами, уже ранѣе законтрактрованными“.

* * *

Образецъ рецензентской «учености»...

Н. Р—скій въ «Петерб. Листкѣ» пишетъ: «Спектакли нѣмецкой труппы Ф. Бока открылись новой пьесой Шарлотты Бирхъ-Пфейфферъ: «Ein Kind des Glücks»... На другой день у того же Н. Р—аго читаемъ: *Новая народная пьеса «Der Pfarrer von Kirchfeld»* и т. д.

Увы, старушка Бирхъ-Пфейфферъ, популярный авторъ «Сверчка», скончалась въ 1868 году, а «Der Pfarrer von Kirchfeld» написанъ въ 1870 году!..

«Ошибкамъ даваль!»—какъ говорятъ въ Нахичевани...

* * *

† А. Д. Дмитріевъ (Гарфильдъ). На-дняхъ скоропостижно скончался бывшій пѣвецъ и главный режиссеръ Императорской Московской русской и итальянской оперъ Александръ Дмитріевичъ Гарфильдъ, по театру Дмитріевъ.

Александръ Дмитріевичъ родился въ 1835 году въ гор. Митавѣ, Курляндской губ. Музыкальныя способности покойнаго обнаружались очень рано. Отданный на одиннадцатомъ году въ школу и участвуя въ ученическомъ хорѣ, мальчикъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время учителя пѣнія Месснера, которому и обязанъ своимъ первоначальнымъ музыкальнымъ образованіемъ.

Въ 1851 г. 16-лѣтній Гарфильдъ вынужденъ былъ покинуть родительскій домъ и отправился въ Петербургъ. Много лишений пришлось испытать юношѣ, попавшему въ совершенно неизвѣстный ему городъ, не имѣя ни знакомыхъ, ни средствъ къ существованію. Случайно его пѣніе было услышано однимъ изъ знакомыхъ княгини Елены Александровны Потемкиной, и талантливаго юношу приглашаютъ въ салонъ княгини. Находившійся въ числѣ гостей княгини, знаменитый въ то время Несторъ Васильевичъ Кукольникъ заинтересовался Гарфильдомъ и представилъ его М. И. Глинкѣ, который остался очень доволенъ исполненіемъ и общалъ хлопотать у директора театровъ Геденова о принятіи его въ Театральное училище. Въ 1853 г. Гарфильдъ былъ зачисленъ въ число пансіонеровъ Театральнаго училища и началъ заниматься пѣніемъ

первоначально у проф. Вителло, а затѣмъ у Риччи. Въ 1857 г. Гарфильдъ дебютируетъ подѣ фамиліей Дмитріева въ ученическомъ спектаклѣ на сценѣ Театра-Цирка (впоследствии переименованнаго въ Маринскій театр) въ оперѣ «Дыганка», въ роли гр. Альбано. Въ 1859 г. онъ получилъ пособіе на поѣздку за границу для усовершенствованія. Въ Парижѣ, по рекомендаціи Тамбурина, Гарфильдъ занимался у Фонтано, учителя знаменитыхъ Бозіо и Граціани. Изъ Парижа Дмитріевъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ продолжалъ заниматься у миланскаго профессора Ламберти. Изъ Италіи Дмитріевъ возвратился въ Парижъ и, не смотря на блестящіе дебюты, продолжалъ работать подѣ руководствомъ Рубини. Передъ отъѣздомъ въ Россію, онъ приглашенъ былъ въ Англію, гдѣ съ успѣхомъ выступалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

† А. Д. Гарфильдъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гарфильдъ въ 1862 г. дебютировалъ въ «Трубадурѣ» въ роли гр. Луна. Вотъ отзывъ прессы того времени: «Г. Дмитріевъ обладаетъ прекраснымъ баритономъ въ 2 октавы (отъ нижн. до верхн. sol), поетъ съ одушевленіемъ и энергіею; но отличительное качество его голоса—блестящая вокализациа. Самые трудныя пассажи, гаммы, фіоритуръ и рудалы не составляютъ для него, какъ будто, ни малѣйшаго труда». Въ 1864 году Гарфильдъ переводится въ Московскую Императорскую оперу, гдѣ продолжаетъ служить до 1877 года, когда оставляетъ дѣятельность пѣвца, для занятія должности главнаго режиссера русско-итальянской оперы. За время режиссерства имъ поставлена впервые знаменитая опера Чайковскаго «Евгевій Онѣгинъ», «Аида» на русск. языкѣ и много др. Въ 1882 году Гарфильдъ окончательно оставляетъ службу при Дирекціи Императорскихъ театровъ и посвящаетъ себя исключительно педагогической дѣятельности. Въ 1887 г. имъ были учреждены въ Петербургѣ «Оперно-драматическіе классы». Воспитанный въ духѣ старой итальянской школы, въ которой не существовало для пѣвца техническихъ трудностей, покойный и многочисленнымъ ученикамъ своимъ, разбросаннымъ по всей Россіи, завѣщалъ тѣ же принципы *).

Похороненъ А. Д. въ Александрово-Невской Лаврѣ на Никольскомъ кладбищѣ, близъ могилы А. Рубинштейна и друга своего академика М. Микѣшина.

* * *

Русская оперетка—это все равно, что кашинская мадера, тенифесъ братьевъ Змиевыхъ и прочіе заграничныя деликатесы отечественнаго производства.

Русской оперетки никогда и не было. Было нѣсколько болѣе или менѣе талантливыхъ актеровъ, которые способствовали насажденію у насъ этого жанра пьесъ, но ихъ попытку едва-ли можно считать удачною, такъ какъ дѣло не пошло далѣе жалкихъ подражаній и посредственныхъ переводовъ. Но актеры, говорю я, были. Они есть и теперь. Напримѣръ: Пальмъ, Рутковскій, Фатѣевъ, Бѣльская, Раисова и др. Это—истинные питомцы опереточной музы. За послѣднее время

*) Въ бумагахъ покойнаго осталась неизданная рукопись подѣ заглавіемъ: «Искусство пѣнія».

много говорить о г-жѣ Вильцевой. Я уже какъ-то раньше писалъ объ оригинальной передачѣ ею цыганскихъ романсовъ и теперь хочу сказать нѣсколько словъ о первомъ дебютѣ ея, состоявшемся 6-го марта въ театрѣ Неметти.

Какъ, бишь, это пишутъ у насъ въ газетахъ о пѣвцахъ: «привилъ тонкій вкусъ и серьезное музыкальное образование»... Замѣчу не менѣе глубокомысленно, что г-жа Вильцева обнаружила тонкій вкусъ и серьезное опереточное образование, выбравъ для своего дебюта классическую «Елену Прекрасную» вмѣсто новѣйшей опереточной белиберды, которую такъ любятъ нѣкоторыя опереточныя прималонны. Далѣе, однако, нельзя быть серьезнымъ,—далѣе является сама г-жа Вильцева и рассказываетъ античную «исторію одного увлеченія», изъ-за котораго погибла Троя. Это была очень интересная, очень нарядная Елена, съ сѣрыми загадочными глазами сфинкса и съ платьями, вѣроятно, отъ Дусэ и Пакена. Я до сихъ поръ не зналъ, что троянская царица была обучена цыганскому пѣнію, но оттого она показалась мнѣ не менѣе интересной и новой. Всѣ русскія исполнительницы пѣли Елену на замоскворѣцкій ладъ:

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда и т. д.

Г-жа Вильцева пѣла, какъ пушкинская Земфира:

Старый мужъ,
Грозный мужъ и т. д.

Впрочемъ, г. Фатѣевъ былъ очень добродушный Менелай. Г. Руконскій — Парисъ показался мнѣ мало оживленнымъ. Усталъ онъ на опереточной службѣ, и всѣ они устали. Да и насъ, пожалуй, удивить чѣмъ-нибудь трудно...

Ю. Д. Б.

* * *

Г. Бокъ привезъ въ этомъ году, повидимому, и труппу похуже и репертуаръ похуже. По крайней мѣрѣ ни Гауптмана, ни Зудермана, ни Вильденбрука нѣтъ въ репертуарѣ, а Фульда—представленъ только новою одноактною пьеской „Die Zechе“... За то „легкихъ“ комедій и по просту фарсовъ—хотъ, отбавляй.

Сезонъ начался старинною сантиментально-романтической комедіей Вурхъ-Пфейфферъ „Изъ институтской жизни“—„Ein Kind des Glucks“. Спектакль, кажется, имѣлъ въ виду именно воспитанниковъ и воспитанницъ „Amnen-Schule“ и „Peter-Schule“, взрослымъ же воспитателямъ Александринскаго театра, кромѣ скуки и досады—ничего не принесъ. Гораздо болѣе удачнымъ оказался второй спектакль—Д. Анценгрубера „Der Pfarrer von Kirchfeld“. Это очень яркая и смѣлая пьеса, и авторъ, повидимому, излилъ въ ней свою душу. Написана пьеса въ годъ побѣднаго торжества клерикализма въ Австріи, написана съ дѣлюю показывать то мертвящее, схоластическое вліяніе, которое это торжество вносило въ жизнь народа и церкви. Кирхфельдскій свя-

Г. Христіансъ.

(Къ гастрольмъ нѣмецкой труппы).

щенникъ — юный и увлекающійся и является проповѣдникомъ не новыхъ, но клерикалами хорошо забытыхъ истинъ любви и братства. Конечно, одинъ въ полѣ не воинъ—и молодому проповѣднику приходится погибнуть въ борьбѣ съ рутиной.

Въ пьесѣ выдѣлился г. Христіансъ—„священникъ“, котораго намъ пришлось уже отмѣтить въ прошломъ году. Это еще очень юный исполнитель, повидимому много работающій и пропедій хорошую школу. Изъ женскаго персонала яркій и бодрый талантъ обнаружила „ingénue“ г-жа Ретти, которая въ Вниѣ пользуется по даромъ солидною извѣстностью. Гг. Клейнъ, Шталъ и Патри—старые знакомые петербургской публики и распространяются о нихъ нечего. Новыхъ же интересныхъ дарований—кромѣ Ретти и Христіанса—въ труппѣ что-то не видно.

Б — ив.

* * *

Нѣ дѣлу г. Агарева. Мы получили 8 марта слѣдующую телеграмму изъ Казани:

Поступки «Саратовскаго Листка» относительно меня, даже послѣ рѣшенія суда чести, изъ официальныхъ данныхъ котораго и протокола ясно видна моя правота и которыя будутъ официально (?) опубликованы, заставляютъ меня, во имя истины и въ предупрежденіе перепечатокъ, просить васъ напечатать посланную въ Саратовъ официальную телеграмму Агарева «Саратовъ цензору» копіи, «Саратовскому Листку» и «Дневнику». Въ «Саратовскомъ Листкѣ» статьи о третейскомъ судѣ по дѣлу Агарева и Сараханова печатаются въ искаженномъ видѣ. Искажены даже документы, обвиненіе Агарева, обвиненія Сараханова. Протоколъ. Я, будучи уполномоченъ председателемъ суда, прошу прекратить дальнѣйшее печатаніе протокольныхъ дѣйствій, документовъ и писемъ безъ моего засвидѣтельствованія, на что я имѣю письменныя официальныя полномочія.

Секретарь третейскаго суда Юпковъ.

Подписи Агарева и Юпкова засвидѣтельствованы на телеграфѣ.

Итакъ, это безконечное дѣло еще не завершено. Это „немножко много“, и г. Агаревъ,—какъ бы это мигче выразиться?—злоупотребляетъ правомъ на вниманіе печати и общественнаго мнѣнія...

Совершенно неожиданно для насъ, мы попали въ дѣлѣтонисіи процессъ, который безпокойному г. Агареву угодно было затѣять и вызовъ на который „Сарат. Листку“ угодно было принять. Въ „преніяхъ“—на корреспонденціи нашего журнала ссылались и защита Г. Сараханова, и обвиненіе, причѣмъ защита высказалась крайне лестно о значеніи и авторитетѣ нашего журнала, а обвиненіе, въ лицѣ нѣкоего г. Бокмиллера, наоборотъ, выразилось, что нашъ журналъ не имѣетъ значенія для антрепренеровъ. Г. Бокмиллеръ можетъ быть какого угодно мнѣнія о талантѣ г. Агарева, по судить о нашемъ журналѣ ему довольно трудно, а если его просвѣтилъ на этотъ счетъ г. Агаревъ, то онъ просвѣтилъ его недостаточно, ибо судя по множеству писемъ, имѣющихся въ редакціи, клиентъ держится другихъ взглядовъ, нежели его повѣренный.

Во всякомъ случаѣ, мы покорнѣе просимъ и г. Агарева, съ его неотмщенной обидой, и г. Бокмиллера, съ его предположеніями и догадками, оставить насъ въ покоѣ, и въ случаѣ кассациіи и апелляціи, не упоминать нашего имени всеу.

* * *

Сборы театра Литературно-артистическаго Кружка, по прежнему, прекрасны, но „Царь Ѳеодоръ“ начинаетъ уже, попомогую, „сдавать“. Въ воскресенье, 7 марта, 60 представленіе „Царя Ѳеодора“ въ нынѣшнемъ сезонѣ въ первый разъ не дало полнаго сбора. По настоящему, и этотъ неполный сборъ слѣдовало ознаменовать какими нибудь жетонами. Прибыль нынѣшняго сезона приблизительно исчисляется въ 75,000 р. При болѣе же экономномъ веденіи хозяйства, прибыль могла бы дойти и до 100,000 р. Во всякомъ случаѣ, прибыли нынѣшняго года хватить для того, чтобы пай участниковъ, значительно обезцѣненные первыми годами, дошли до *al pari*.

* * *

На дняхъ П. П. Гнѣдичъ и В. П. Карповъ и др. члены ревизионной комисси, избранные въ Петербургѣ, ѣздили въ Москву ревизовать суммы и отчетность Общества драматическихъ писателей. Въ дѣлопроизводствѣ и порядкѣ вписывавія суммъ замѣчается значительное улучшеніе. Въ добрый часъ! Говорятъ, уменьшеніе вычетовъ въ пользу Общества общаю къ юбилею его. По случаю, такъ сказать, радостнаго событія гг. комитетскіе члены сназойдутъ до уменьшенія коэтрибуціи. Ахъ, добрыел..

* * *

Труппа артистовъ Императорскихъ театровъ, отправившаяся подъ управленіемъ К. П. Ларина и съ участіемъ Э. В. Холмскій въ Прибалтійскій край, начала свои спектакли въ Ревелѣ 7 марта, и какъ намъ пишутъ, съ огромнымъ успѣхомъ. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ изъ предше-

ствовавшихъ поѣздокъ, труппа подобрана съ возможнымъ ансамблемъ. Русское населеніе края встрѣчаетъ артистовъ съ нескрываемымъ восторгомъ.

* * *

По обязанности рецензента, отправляясь на концертъ г. Пахульского, я не ожидалъ, что уйду удовлетвореннымъ, такъ какъ прослушать большую программу, составленную исключительно изъ произведеній доморощеннаго композитора, имя котораго еще весьма мало говорить уму нашему, казалось мнѣ дѣломъ довольно мучительнымъ... Композиціи г. Пахульского оказались однако весьма интересными. Авторъ несомнѣнно мелодистъ, его пьесы не отличаются длиннотами, а нѣкоторыя даже лаконичны, до того, что мысль, прекрасно задуманная, обрывается на полусловѣ. Въ общемъ композиторъ обнаружилъ богатство фантазіи и довольно яркій колоритъ, структура же и гармонизація не оставляютъ желать лучшаго. Къ сожалѣнію, во многихъ пьесахъ замѣчается чужое вліяніе и нѣкоторыя настолько напоминаютъ Шопена и Шумана, что кажутся вариацией на чужую тему. Такъ напр. сюита „фантастическія сказки“ вначалѣ сильно напоминаетъ „Карнаваль“ Шумана, особенно первое allegro con brio, а оба этюда и allegro изъ сонаты написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Шопена. Первый этюдъ „вечерніе звуки“ (finis) настолько понравился публикѣ, что его заставили повторить, равно какъ и одинъ изъ романсовъ „Мишута сгратъ“, исполненный г-жей фонъ-Петцъ превосходно. Очевъ понравился намъ также вальсъ капризъ и финалъ сонаты. Исполненіе пьесъ самимъ авторомъ не послужило имъ на пользу, такъ какъ г. Пахульскій далеко не обладаетъ данными для виртуознаго поприща. Но сами произведенія несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ фортепьянную литературу и нашимъ пианистамъ можно рекомендовать ознакомиться съ ними.

А. М.

* * *

Кое что о свободѣ театральной критики. Въ „Смолен. Вѣстникѣ“, въ отдѣлѣ „Театръ и Музыка“ читаемъ:

„Въ театрѣ «Народнаго Дома» были поставлены пьесы «Безъ вины виноваты» А. Н. Островскаго и «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, но по независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ (?) отзывы объ этихъ пьесахъ не могли появиться въ печати. О всѣхъ другихъ любительскихъ спектакляхъ «въ театрѣ Народнаго Дома» я также не буду имѣть возможности высказываться по тѣмъ же независимымъ обстоятельствамъ (!!)».

Въ корреспонденціи изъ Асхабада сообщалось о случаѣ такнхъ же „независящихъ обстоятельствъ“. Ничего нельзя сказать противъ отсутствія рецензій о домашнихъ спектакляхъ. Но если за входъ на любительскіе спектакли съ публики берутся деньги—тогда публикѣ надо знать, за что она платитъ и стоитъ ли ей платить. Это — разъ. А во вторыхъ, у кого такое самолюбіе, что не выноситъ критическихъ замѣчаній, тому незачѣмъ и выступать на подмосткахъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли такое стѣсненіе свободы критики вызывается „государственной необходимостью“. А о другихъ „необходимостяхъ“ зачѣмъ же заботиться?

Но если рецензіи иногда отсутствуютъ „по независимымъ обстоятельствамъ“ тамъ, гдѣ имъ быть надлежитъ, то онѣ имѣются, случается, тамъ, гдѣ имъ быть не полагается. Такъ, въ день своего бенефиса, въ Костромѣ г. Трефиловъ выпустилъ газету подъ названіемъ „Трефиловскій Листокъ“,—газету „довольно литературную“, какъ она названа, и „довольно безцеремонную“, какъ ее слѣдовало бы назвать. Г. Трефиловъ воспользовался своей „довольно литературной“ газетой, чтобы свести счеты съ мѣстной газетой. Въ кушеткахъ онъ объясняетъ:

Газета намъ хоть вовсе ненужна,
Ихъ такъ ужасно много расплодилось,
Но вотъ теперь явилася она,
И съ этимъ всѣ невольны помирись.
И развернувъ газету, Богъ ты мой,
Приходится невольно убѣдиться,
Все ерунда и мысли ни одной...
У всѣхъ своя манера веселиться...

Въ отдѣлѣ „Вѣсти и слухи“ можно прочесть такое „сообщеніе“:

Намъ передавали, что французскій писатель Марсель Преву, авторъ „Demi-veerge“, началъ писать новый романъ, изъ русской жизни. Героиня—извѣстная костромская дѣятельница на поприщѣ журналистики. Романъ будетъ озаглавленъ „Demi-Dame“.

И наконецъ, въ корреспонденціи изъ Лондона сообщаютъ, что баронъ Шнелъ-Клопсъ назвалъ именемъ Трефилова своего скакуна. Этотъ скакунъ будетъ, вѣроятно, отличнѣе братья препятствія, пока его не обуздають, что давно пора уже сдѣлать.

* * *

Въ Орлѣ въ воскресенье начался рядъ спектаклей Е. К. Лешковской, А. П. Щепкиной и О. А. Правдина и др. артистовъ московскаго Малаго театра. Для перваго спектакля, въ воскресенье, шли «Бѣшенныя деньги».

* * *

Молодая московская артистка, г-жа Селиванова принята на сцену Малаго театра, съ первоначальной платой въ 1,800 руб. въ годъ.

* * *

Въ настоящее время выяснились перемѣны въ труппѣ Корша. Оставляютъ труппу г-жи Омурова, Кошева, Темирова и гг. Яковлевъ, Грековъ, Сверчковъ, Щепкинъ, Потемкинъ, Николкинъ и Насоновъ. Въ качествѣ замѣстителя г. Грекова приглашенъ г. Строитель. Въ числѣ предложенныхъ къ постановкѣ пьесъ въ будущемъ сезонѣ находится большая обстановка пьесы „Петръ Великій“.

* * *

Въ составъ московской казенной оперной труппы принята г-жа Соколовская. Контрактъ съ дирекціей Императорскихъ театровъ заключенъ на три года, причемъ окладъ пѣвицы назначенъ въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей на первый сезонъ, шести—на второй и семи тысячъ на третій сезонъ. Начало артистической дѣятельности г-жи Соколовской было положено въ Тифлисѣ, затѣмъ она пѣла въ Харьковѣ, въ Саратовѣ и Казани и въ московской частной оперѣ.

Русская частная опера.

Съ воскресенье, 7-го марта, въ большомъ залѣ консерваторіи начались спектакли московской русской частной оперы. Впечатлѣніе, произведенное московскими гостями, за рѣдкимъ исключеніемъ, безспорно, благоприятное. Прежде всего нельзя не отмѣтить обилія молодыхъ свѣжихъ голосовъ, которыми щеполяетъ труппа, вкуса и тщательности въ постановкѣ, стремленія каждаго изъ артистовъ не только пѣть свою партію, но и съ драматической стороны приближаться къ типу, задуманному авторомъ,—чѣмъ, главнымъ образомъ, и можно объяснить прекрасный ансамбль московской оперы, и, наконецъ, тотъ репертуаръ русскихъ оперъ, который живо интересуетъ русскую публику и которому давнымъ давно мѣсто на казенныхъ сценахъ, столь, увы, приверженныхъ къ рутинѣ...

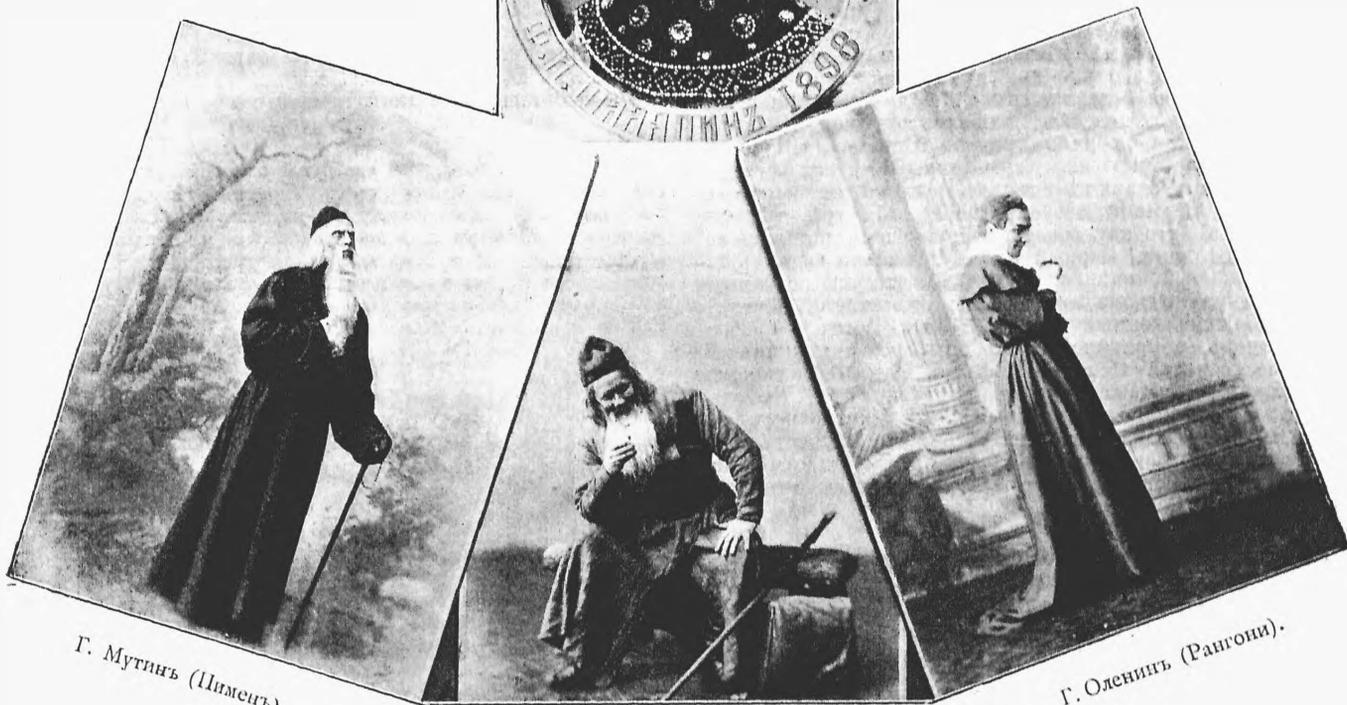
Для открытія спектаклей была поставлена опера покойнаго Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ» въ окончательной ея передѣлкѣ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (нѣкоторыя части оперы сокращены, измѣнены тональности, измѣнена отчасти и инструментовка), отчего опера выиграла въ смыслѣ законченности, но едва ли остался неповрежденнымъ стиль Мусоргскаго. Н. А. Римскій-Корсаковъ, такъ сказать, специализъ по музыкальной реставраціи, и благодаря ему окончено много произведеній другихъ авторовъ. Остановившаяся на исполнителяхъ, приходится прежде всего выдѣлить г. Шаляпина. Это дѣйствительно въ оперномъ дѣлѣ какая-то «черноземная сила» въ своемъ родѣ, «Святогоръ-богатырь». При замѣчательномъ по силѣ и красотѣ голосѣ, артистъ обладаетъ выдающимся драматическимъ талантомъ. Партія Бориса въ его передачѣ является вполне художественно законченной, какъ съ вокальной, такъ и съ сценической стороны; въ сценахъ же галлюцинацій Бориса *) и во всемъ послѣднемъ актѣ, начиная съ выхода до смерти, впечатлѣнію, производимому г. Шаляпинымъ, могли бы позавидовать многіе наши драматическіе Борисы. Г. Секарь-

*) Въ этой сценѣ, кстати, при передѣлкѣ выпущены куранты, замѣчательные по музыкѣ Мусоргскаго. Неужели только потому, что они являлись извѣстнаго рода анахронизмомъ?

Рожанскій съ вокальной стороны, если не считать нѣкоторыхъ недочетовъ въ интонаціи въ сценѣ у фонтана, былъ исполнѣ удачнымъ самозванцемъ, но въ его игрѣ проглядываесть дѣланность и театральность (финаль сцены въ корчмѣ). Хорошій Пименъ г. Мутинъ, красивый и пѣвучій бась котораго, какъ нельзя болѣе, подходит по своей величавой простотѣ къ партіи лѣтописца; иезуитъ Рангони напелъ себѣ въ лицѣ

бѣла была бы очень недурной Волховой, еслибы почище интонировала (въ особенности на увеличенномъ трезвучіи) и была посмѣлѣ въ верхнемъ регистрѣ. Выѣшнее впечатлѣніе прекрасное. Варяжскаго гостя пѣлъ, какъ и раньше, г. Мутинъ, поголосъ его на этотъ разъ звучалъ тускло. Индѣйскимъ гостемъ выступилъ г. Шетилонъ. У него свѣжій молодой теноръ, довольно красиваго тембра, хотя мало еще обработанный (стра-

Г. Мутинъ (Пименъ).

Г. Шалыпинъ (Борисъ).

Г. Бриви (Варлаамъ).

Г. Оленинъ (Рангони).

Русская частная опера. «Борисъ Годуновъ».

г. Оленина тонкаго исполнителя, обладающаго не особенно большимъ, но довольно красивымъ баритономъ. Бродяги Варлаамъ и Мисаиль—гг. Бриви и Кассиловъ недурно играли (последній, впрочемъ, немножко переигрываетъ, что замѣчалось и въ слѣдующемъ спектаклѣ «Садко»), а пѣсеню Варлаама: «Какъ во городѣ было во Казани» г. Бриви исполнилъ не безъ настроенія. Менѣе удовлетворителенъ былъ г. Шкаферъ: интонація его далеко не безукоризненна, голосъ небольшой и не особенно красивый, а выѣшностью и игрой онъ слишкомъ мало походилъ на тонкаго интригана Василия Шуйскаго. Извѣстной доли музыкальности, впрочемъ, у него отнять нельзя. Женскій персоналъ въ «Борисѣ» много слабѣе мужского. Г-жа Селюкъ—довольно слабая «красотка панна Марина», а вокальная сторона передачи много потеряла, благодаря распатанному medium'у пѣвицы, на которомъ, главнымъ образомъ, построена партія. Г-жа Любатовичъ едва ли подходит къ партіи шинкарки. Пѣсенка о «селезнѣ» совершенно пропала. Лучше другихъ была г-жа Страхова—Феодоръ, премило сгѣвшая свою сказочку въ 5-ой картинѣ. Остальные исполнители хорошо поддерживали ансамбль и вполне освоились съ мелодическимъ речитативомъ Мусоргскаго, являющагося въ этой оперѣ прямымъ послѣдователемъ Доргомыжскаго, періода «Каменнаго гостя». Хоръ дѣлалъ свое дѣло вполне исправно, несмотря на свою малочисленность, чего нельзя сказать объ оркестрѣ, въ которомъ чувствовалась порой какая-то неувѣренность, напр., вступленіе басовъ въ полонезѣ 7-ой картины. Въ общемъ, впечатлѣніе отъ оперы получилось хорошее, и она имѣла изрядный успѣхъ. Для второго спектакля былъ поставленъ «Садко» Н. А. Римскаго-Корсакова. О достоинствахъ этой талантливой оперы-былины даровитаго автора говорилось въ прошломъ году, когда опера была поставлена впервые въ Петербургѣ. Г. Секаръ-Рожанскій еще болѣе, если можно выразиться, впѣлся и овладѣлъ партією и является прекраснымъ исполнителемъ Садко, не смотря на всю трудность этой партіи. Жаль только, что его Садко немножко вертлявъ на сценѣ, нѣтъ въ немъ того эпического спокойствія, которое должно быть присуще новгородскому пѣвцу въ былинѣ. Г-жа Ростовцева очень красиво спѣла арію Любавы, которую должна была повторить. Она обладаетъ довольно приятнымъ mezzo-soprano. Г-жа За-

даеъ его mezzo voce), не особенно большого размѣра. Какъ онъ, такъ и венедикій гость—г. Петровъ, обладатель лирическаго баритона, слегка уже распатаннаго, имѣли успѣхъ. Для партіи молодого гуслара требуется болѣе звучное контральто, чѣмъ у г-жи Страховой, почему былина о Волхвѣ Всеславичѣ вышла не достаточно рельефно. Хоры хорошо справлялись съ своимъ дѣломъ и, если бы не кое-какіе промахи въ финалѣ оперы, то она прошла бы и совсѣмъ отлично. «Садко», какъ и въ прошломъ году, имѣлъ шумный успѣхъ. Авторъ былъ многократно вызванъ. Третьимъ спектаклемъ шла «Орлеанская дѣва» Чайковскаго. Писалась она покойнымъ композиторомъ чуть ли не одновременно съ «Олеѣгнинымъ» и была поставлена впервые въ 1881 году, но продержалась недолго репертуарѣ. Въ оперѣ какое-то смѣшеніе стилей, и тамъ, гдѣ Чайковскій является, такъ сказать, самимъ собою, преимущественно въ лирическихъ мѣстахъ, музыка его достигаетъ той неотразимой прелести и скорой граціи, которыми всегда отличается его лирика. Лучше другихъ ему удалась обрисовка самого Иоанна, слабовольнаго короля, а также рыцаря Дюнуа. Въ оперѣ нѣсколько ансамблей довольно громоздкихъ и столь же ординарныхъ. Какъ на особенно красивыя мѣста оперы можно указать на хоръ менестрелей, общеизвѣстную арію Иоанны «Простите, поля», хоръ ангеловъ 1-го акта, а также, пожалуй, и на вступленіе къ послѣдней картинѣ—родъ похороннаго марша. Г-жа Пѣвѣткова отлично справилась съ своей задачей, хотя партія Иоанны собственно написана для сопрано или mezzo-сопрано, а у г-жи Пѣвѣтковой лирическое сопрано. Съ выѣшней стороны, она дала довольно трогательный образъ восторженнаго орлеанскаго дѣвственницы нѣскольکو идеализированный,—однако, въ ней не было крестьянской дѣвушки. Г. Мутинъ хороший кардиналь, также, какъ г. Оленинъ Дюнуа. Слабъ былъ исполнитель партіи короля и г. Иноземцевъ, ухитрившійся въ небольшую партію Реймонда внести много фальшивыхъ нотъ. Недуренъ въ оперѣ балетъ. «Орлеанская дѣва» имѣла средній успѣхъ. Для четвертаго спектакля была впервые поставлена въ Петербургѣ новая 2-хъ актная опера Н. А. Корсакова «Моцартъ и Сальери». Предоставляя себѣ право поговорить болѣе подробно объ этой новинкѣ, пока скажемъ, что она имѣла боль-

шой успѣхъ. Отмѣтимъ въ музыкѣ «Моцарта и Сальери» тонкій музыкальный колоритъ. Въ «Садко» композиторъ является во всеоружіи современнаго оркестра; въ «Моцартъ и Сальери» онъ беретъ оркестръ моцартовскаго времени, минимальный по составу (1 флейта, 1 гобой, 1 кларнетъ, 1 флюгель 2 валторны при 3-хъ тромбонахъ, только въ концѣ оперы и то ad libitum и струннымъ квартетъ), и въ обоихъ случаяхъ достигаетъ замѣчательныхъ результатовъ. Съ первыхъ же тактовъ вступленія, слушатель невольно переносится въ міръ пудренныхъ париковъ и менуэта. Несмотря на недостатокъ дѣйствія, опера слушается съ возрастающимъ интересомъ, а трогательныя минуты, когда отравленный Моцартъ играетъ Сальери свой requiem, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Исполнена опера была превосходно. Г. Шалапинъ въ партіи Сальери выше всякихъ похвалъ. Его богато-одаренная натура является здѣсь во всей своей мощи и находитъ себѣ полный просторъ. По мимической игрѣ на паузахъ, особенно въ финалѣ оперы, я бы сравнилъ г. Шалапина съ Ф. П. Горевымъ. Г. Шкаферъ удачный Моцартъ какъ по гриму, такъ и по фигурѣ. Онъ и пѣлъ, и игралъ на этотъ разъ много лучше. Слѣдовавшій за оперою Корсакова Глюковский «Орфей» имѣлъ, что называется, succès d'estime. Классическая арія Орфея (г-жа Черненко) «потерялъ я Евридику» была повторена. Г-жа Забѣла милостивая Евридика, а блаженныя тѣни женскаго пола недурно протанцовали въ Елисейскихъ поляхъ менуэтъ. Операми дирижируетъ г. Труффи, прекрасный музыкантъ и опытный дирижеръ. Жаль только, что благодаря своему темпераменту, у него замѣтна склонность къ ускоренію темповъ, напр., въ сценѣ фонтана въ «Борисѣ» и во вступленіи къ «Садко» — «Оксанъ синее море». Или, быть можетъ, по итальянскому представленію, вода течетъ быстрѣе, также какъ и итальянская кровь, чѣмъ по нашему, сѣверному?..

А. Хо—овъ.

1840

(Окончаніе *).

Про одного заклятаго врага Полевого разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Не будучи въ состояніи поборотъ въ себѣ чувство зависти и въ то же время подстрекаемый любопытствомъ, господинъ этотъ явился на бенефисъ Асенковой съ непремѣнной цѣлью освидѣть автора. Ко всеобщему удивленію, его увидѣли плачущимъ:

- А что, хороша пьеса? спросили его.
- Нѣтъ дурна, очень дурна, отвѣчалъ тотъ.
- Отчего же вы плачете?
- Плачу, глядя на публику **).

Вѣроятно, въ театрѣ было пролито въ тотъ вечеръ не мало такихъ крокодиловыхъ слезъ, если принять во вниманіе значительное число противниковъ Полевого и крайнюю партійность тогдашнихъ мнѣній. Во всякомъ случаѣ, два противоположныхъ сужденія не замедлили составиться немедленно за паденіемъ занавѣса и были произнесены во всеуслышаніе вожжами враждующихъ сторонъ. Одни, знакомые съ фавбулой пьесы изъ романовъ Ксавье де-Местра и г-жи Котенъ, находили драму Полевого не занимательной и называли ее драматической розмазней, разбавленной кваснымъ патріотизмомъ. Другіе поддакивали имъ, прямо указывая на какую-то польскую драму, изъ

которой Полевой весьма неосторожно позаимствовался драматическимъ дѣйствіемъ. Были и такіе судьи, которые весь успѣхъ пьесы приписывали игрѣ актеровъ и бенефисному настроенію публики. По ихъ мнѣнію, не будь на сценѣ Каратыгина, Асенковой, Сосницкаго, Гусевой и др., пьесу ожидалъ бы полнѣйшій провалъ. Но Полевой былъ опытнымъ театральнымъ закройщикомъ. Онъ всѣ свои пьесы писалъ по ролямъ, удѣляя общей идеѣ ровно столько мѣста, сколько это было мыслимо въ отношеніи ансамбля..

Все это въ разныхъ выраженіяхъ, приправленное должнымъ количествомъ сильныхъ словъ и убѣдительныхъ жестовъ, передавалось изъ устъ въ уста, вызывая не менѣе оживленные возраженія и протесты.

Возражалъ главнымъ образомъ Булгаринъ. Онъ вдругъ ощутилъ въ себѣ приступъ неслыханнаго оживленія и, казалось, драма Полевого уже заранѣе рисовалась ему въ формѣ хлесткаго фельетона. Своимъ противникамъ онъ пустилъ въ глаза такую пыль мелкаго патріотизма, смѣшаннаго съ наглымъ хвастовствомъ, что они поневолѣ должны были понятиваться, боясь быть превратно понятыми. Онъ не отрицалъ нѣкоторыхъ промаховъ въ драмѣ Полевого, онъ даже прямо указывалъ на нихъ, говоря, „что планъ и завязка слабы и что личность „прохожаго“ неестественна“ *). У него просили объясненія, заранѣе зная, что хитрый полячокъ былъ гораздъ замечать слѣдъ хвостомъ и выходить сухимъ изъ воды. Отвѣтъ слѣдовалъ немедленно, при чемъ самъ Булгаринъ казался удивленнымъ наивностью своихъ собеседниковъ.

— Какимъ образомъ, спрашивалъ онъ ихъ въ свою очередь, — какимъ образомъ офицеръ, возвращаясь изъ турецкаго плѣна, попалъ въ Сибирь на богомолье? Какъ онъ могъ сдѣлаться нищимъ? Это вовсе не въ русскихъ нравахъ. Почему бы не представить челоуѣка, возвращающагося въ Россію изъ Сибири, по Милостивому манифесту или со службы?.. Это было бы натурально... **).

Разумѣется, никто не смѣлъ возразить на послѣдній доводъ, который былъ настолько-же вѣсокъ, насколько и обоюдоостръ. Во всякомъ случаѣ двухъ мнѣній на этотъ счетъ существовать не могло, и вопросъ казался исчерпаннымъ. Тогда перешли къ другимъ пунктамъ обвиненія. Кто-то неосторожно замѣтилъ при Булгаринѣ, что фигура стряпчаго Писулькина нѣсколько каррикатурна. Глава бюрократической партіи счелъ себя оскорбленнымъ въ лучшихъ чувствахъ:

— Какъ! Характеръ Писулькина! разразился онъ, — да это мастерское произведение! chef d'oeuvre и стоитъ всего „Ревизора“ Гоголя, пьесы, основанной на невѣроятностяхъ и на невиданныхъ на Руси въ XIX вѣкѣ карриатурахъ!.. ***).

Что можно было возразить ему? Приткій шляхтичъ говорилъ о Россіи съ такимъ апломбомъ, что приводилъ въ замѣшательство любого руссофила.

Въ запасѣ у него было еще не мало темъ для разговоровъ, а пока онъ хотѣлъ раздѣлаться съ тѣми, кто приписывалъ успѣхъ пьесы игрѣ актеровъ.

— Помилуйте, господа! кипятился онъ, — да какая же пьеса можетъ имѣть успѣхъ при дурной игрѣ артистовъ. Дайте Расина, Корнеля, Альфиери, Шекспира, Шиллера, Гете, кого угодно — плохіе артисты состряпаютъ вамъ такой винитретъ, что вы расхо-

*) См. «Сѣвер. Пчела». 1840 г. № 48.

***) Ibidem.

****) См. «Сѣверн. Пчела». 1840 г. № 48.

*) См. №№ 8, 9 и 10.

***) См. «Сѣвер. Пчела». 1840 г. № 48.

хочется тамъ, гдѣ плакали, и наоборотъ. Этого упрекъ стоитъ того, что сюжетъ извѣстенъ... *).

— Т-шнть! донеслось сверху ожесточенное шипѣніе райка. „Воронки“, какъ называлъ иногда Гблннскій обитателей галлерей, изстари составляли привилегированный классъ посѣтителей Александринскаго театра. Ихъ волновало непривычное настроеніе партера. Обыкновенно чопорный и безстрастный, сегодня онъ гудѣлъ сотнями голосовъ и волновался, какъ одно живое тѣло.

— Т-шнть!..

Волненіе мало по малу улеглось. Занавѣсъ снова взвился, и появленіе на сценѣ Григорьева 1-го общило всей залѣ неожиданный приливъ веселости. Между тѣмъ не происходило ничего особеннаго и передъ зрителями, посреди сцены, сидѣлъ верхомъ на стулѣ спящій солдатъ, уморительно клевавшій носомъ и бормочущій во снѣ какую-то несвязную чепуху. Но вся его фигура, весь его казарменный обликъ, съ головы до ногъ, все это было такъ типично, что вызывало улыбку на самомъ хмуромъ лицѣ. Таковъ ужъ былъ актеръ!.. Солдаты были его спеціальностью, и являлся-ли онъ пѣльницей-деньщикомъ, бравымъ-ли фельдфебелемъ, хилымъ-ли инвалидомъ или просто убогимъ солдатомъ Яшки, который подставляетъ свой лобъ подъ вражью пулю съ философскимъ равнодушіемъ стоика—вездѣ онъ давалъ исполнѣ жизненный, законченный образъ.

Къ Григорьеву векорѣ присоединились Максимовъ, Каратыгинъ 2-й, авторъ водевиля, въ роли сапожника Роде и молодой Марковецкій. Каламбуры и куплеты уже успѣли вызвать взрывъ хохота и аплодисментовъ, но настоящій водевиль начался, собственно говоря, только съ появленіемъ Асенковой..

Она выбѣжала на сцену и вдругъ остановилась, потупилась... Громъ аплодисментовъ разразился надъ ея поникнувшей головкой. Полчаса тому назадъ гбжняя, чувствительная Параша, теперь она преобразилась въ вѣтрENNую шаловливую парижанку, у которой для полного сходства съ бабочкой не хватало только крылышекъ за плечами. Одѣтая въ простенькое платьѣ изъ темной матеріи и въ чистенькій передникъ, который изобличалъ въ ней не столько прилежную работницу, сколько опасную кокетку, съ гладко зачесанными висками, что придавало ея лицу удивленное ребяческое выраженіе, она казалась однимъ изъ тѣхъ милыхъ существъ, которыхъ когда-то воспѣвалъ Веранже. Кстати, ее звали Лизой. Она недавно вышла замужъ и супругъ ея, честный, аккуратный нѣмецъ Роде, по профессіи сапожникъ, могъ доставить ей только обезпеченное матеріальное положеніе. Но Лиза была молода. Ее увлекали наряды, балы, маскарады, она любила прыгать, плясать и кружить головы глупымъ мальчикамъ, тогда какъ негъ Роде любилъ домашній очагъ, свою сигару и своихъ заказчиковъ. Первая размовка произошла у нихъ изъ-за того, что мужъ не хотѣлъ подарить женѣ пары шотландскихъ сапожковъ, которые онъ сдѣлалъ спеціально для нея, да раздумалъ, а тутъ подвернулся еще и выгодный покупатель. Расчетливый нѣмецъ рѣшилъ дѣло въ свою пользу, и Лиза осталась безъ маскарада, гдѣ она хотѣла пройти шотландкой. Но водевильная Фата Моргана не терпитъ долго драматическихъ положеній и, обыкновенно, посылаетъ утѣшеніе обездоленнымъ въ лицѣ какого-нибудь неожиданнаго благодѣтеля, какимъ для Лизы явился заѣзжій офицеръ-кавалеристъ. Онъ взялся помочь ея горю и повелъ дѣло такъ, что нѣмецъ Роде остался въ ду-

ракахъ, а Лиза получила свои сапоги и разрѣшеніе отправиться въ маскарадъ.

Водевиль назывался „Ножка“ *). Это интриговало многихъ. Если вѣрить Кони, который былъ тогда въ театрѣ и, разумѣется, слушалъ водевиль съ большимъ рвеніемъ, нежелая драму Полевого, — пьеска представляла интересъ и являлась счастливымъ исключеніемъ между безцвѣтными водевилями послѣднихъ спектаклей. Въ своемъ печатномъ отзывѣ онъ однако удержался отъ всякаго разбора и даже не передалъ содержанія водевиля, замѣтивъ только, что „изъ водевилей первое мѣсто занимаетъ „Ножка“ г. Каратыгина, т. е. г-жи Асенковой, хотѣлъ я сказать. Это—миленькая, хорошенькая ножка, обутая въ интереснѣйшій банмачекъ съ острымъ носкомъ“ **).

Водевиль былъ „съ переобуваніемъ“, причемъ Асенкова, прячась за перегородкой, протягивала оттуда свою ножку, что было бы рискованно для другой актрисы и при современникахъ Пушкина, воспѣвавшего ножки въ извѣстныхъ октавахъ. Но Асенкова имѣла водевильную ножку, которая отличалась отъ обыкновенной тѣмъ, что, помимо совершенства линий, заставляла улыбаться. У нея былъ сатирическій подѣмъ и юмористическій носокъ, а быть можетъ, просто въ ногахъ сидѣлъ веселый бѣсъ, который и смѣшилъ публику. Водевиль былъ ея излюбленной сферой, гдѣ она одной улыбкой сунула слезы зрителю и гдѣ каждая ея новая выходка почиталась за открытіе. „Ангель шалилъ“... Тысячи глазъ слѣдили за ея малѣйшимъ движеніемъ и столько же рукъ было готово аплодировать каждому ловко сказанному слову, или просто, краснорѣчивой паузѣ. Надо ли говорить, какую бурю восторговъ вызвалъ у публики заключительный куплетъ, который Асенкова пропѣла, обращаясь къ театру:

Отъ стараго обыкновенья
Мы не хотѣли отступить,
И этой „ножкѣ“ спискохотенья
Должны у зрителей просить.
Быть можетъ, что суха немножко,
Войдетъ-ли въ театральнѣй кругъ...
Чтобъ удержалась наша „ножка“,
Но пожалуйте вашихъ рукъ!..

Стонъ стоялъ въ зрительномъ залѣ. И галлерей, и партеръ, и ложи — все было на ногахъ, перевѣшивалось черезъ барьеръ и не кричало, а именно стонало, и приветственная овація обратилась въ неистовство. Вызывали автора, вызывали Асенкову. Она выходила съ Каратыгинымъ совѣмъ такъ, какъ частъ тому назадъ выходила съ Полевымъ. Имъ снова аплодировали и кричали „браво“. Чествованія были еще задуманнѣе, еще сильнѣе. Никто и не подумалъ, что этимъ самымъ наносится незаслуженное оскорбленіе искусству, въ которомъ нѣтъ подраздѣленія между серьезнымъ произведеніемъ и веселымъ пустячкомъ. Но подобныя мысли не могли придти въ голову тогдашняго зрителя. Онъ выросъ на водевилѣ, у водевиля бралъ все жизненные совѣты, бралъ у него уроки трезваго разсужденія и въ водевильномъ куплетѣ полагалъ свое сокровенное „credo“. Какъ только на сценѣ зазвенѣли погремушки водевиля, тяжелое, потрясающее впечатлѣніе, произведенное драмою Полевого, было забыто и все, начиная съ зрителей и кончая актерами, рѣшили веселиться и смѣяться... Довольно слезъ, довольно страданій! Ихъ много и въ настоящей жизни. Пусть театръ дастъ нѣсколько минутъ забвенія, пусть онъ покажетъ ту же самую жизнь, тѣ же самыя положенія, но только черезъ комическую призму“. Вѣдь эта озорная гри-

*) «Ножка», водевиль въ одномъ дѣйствіи (съ французскаго) П. А. Каратыгина. Напеч. въ «Пантеонѣ» 1840 г. № 1.

**) См. «Сѣвер. Пчела» 1840 г., стр. 324.

*) Ibidem.

зетка, она тоже страдает, насколько, разумеется, свойственны страдания ея поверхностной натурѣ. Страдаетъ честный нѣмецъ Роде, страдаетъ обманутый женихъ, страдаетъ влюбленный капитанъ, страдаетъ битый деньщикъ,—словомъ, всѣ страдаютъ, но такъ всѣ они ловко умѣютъ выпутать свои страданія, что самая жизнь можетъ показаться послѣ этого забавнымъ водевилемъ...

Послѣ „Ножки“ шелъ еще водевиль „Фальшивая тревога“. Это было уже слишкомъ. Никому не хотѣлось больше смѣяться. Но водевиль все-таки выслушали изъ уваженія къ бенефицианткѣ, которая играла въ немъ видную роль.

Спектакль кончился. Пора домой! Все засуетилось, задвигалось, заговорило. Въ корридорахъ была невѣроятная давка. Публика валила отовсюду: сверху, снизу, изъ всѣхъ ложъ и тѣснилась къ выходу. Наконецъ все это ушло, уѣхало, исчезло... Театръ опустѣлъ. Сторожа заперли двери и потушили свѣтъ. Все погрузилось въ мракъ. Когда отъѣхала послѣдняя театральная карета и визгливо щелкнулъ послѣдній замокъ, жизнь словно навѣки оставила это большое каменное зданіе. Какая-то длинная тѣнь поднялась надъ крышей театра, быть можетъ, тѣнь оскорбленной Мельпомены, или послѣдній вздохъ еще не остывшей отъ восторговъ зрительной залы...

Тѣнь вытянулась, вздрогнула, исчезла...

Юрій Бѣляевъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Послѣднее «Folies-revue» парижскихъ театровъ является и наиболѣе остроумнымъ изъ всей серіи «revues», сезонъ которыхъ находится теперь въ полномъ разгарѣ. Настоящее «revue» принадлежитъ фантазіи гг. Монреаль, Блондо и Нюме. Дѣйствіе происходитъ въ храмъ Фемиды и около него. Всѣ каламбуры, всѣ куплеты вращаются около событій послѣднихъ дней, весьма остроумно рисуя ту путаницу судопроизводства, о которой мы ежедневно читаемъ въ газетахъ. Въ «revue» участвуютъ всѣ лучшія силы театра Folies-dramatiques и съ особеннымъ успѣхомъ подвизается г-жа Меали въ роли L'opinion publique. Куплеты вполне злободневны и вскорѣ сдѣлались достояніемъ бульваровъ и толпы.

«Temps» сообщаетъ итоги доходности парижскихъ театровъ за 1898 годъ. Изъ этой статистики видно, что публика внесла въ кассы 63 парижскихъ театровъ въ общемъ 31.140,543 фр. На долю «Большой Оперы» приходится почти 3 мил.; театръ «Porte-Martin» выручилъ болѣе 2-хъ мил., въ списокѣ находимъ еще 5 театровъ съ валовыми сборами, превышающими 1 мил. фр.

Въ дополненіе къ любопытной замѣткѣ изъ Берлина, помѣщенной въ 10 № нашего журнала о проектѣ Бара, помѣщаемъ талантливую карикатуру Ulk'a, гдѣ изображенъ потерпѣвшій фіаско авторъ, котораго директоръ театра весьма иронически вопрошаетъ: «не поднять ли занавѣсъ, милѣйшій маэстро?». Публика между тѣмъ свиститъ, шикаетъ и бросаетъ на сцену, что попало. «Маэстро», закинувъ ножку за ножку, отвѣчаетъ съ чувствомъ собственного достоинства: «Я даль обѣщаніе никогда не выходить на сцену по требованію публики»...

Золотая муха.

(Разсказъ).

(Продолженіе *).

VII.

Въ этотъ роковой вечеръ Настасья Петровна отнеслась къ плану Алексиса совершенно равнодушно, что его сильно огорчало. Зато на другой день она ухватилась за него съ какой-то болѣзненной страстностью.

— О, я буду жить! повторяла она съ дѣтскою радостью.—Они теперь мнѣ не отвѣчаютъ, они меня забыли... да. А тогда... о, и не буду такой глупой, какъ раньше. У меня опять будетъ много денегъ...

— Все будетъ, моя богиня...

Взглянувъ на Алексиса, Настасья Петровна нахмурилась. Въ его лицѣ она поймала знакомое выраженіе: и этотъ любилъ ее... О, всѣ мужчины одинаковы!.. Даже болѣзнь не могла ее застраховать. Докторъ, приговорившій ее къ смерти, тоже смотрѣлъ не совсѣмъ чисто. Ну, да Богъ съ ними... У нея теперь цѣль въ жизни. Только немножко бы оправиться. Оживленіе Настасьи Петровны и приливъ силъ обманули Алексиса. Онъ подумалъ, что докторъ могъ ошибиться, а человѣческая природа живуча.

— Будьте добры, когда придетъ старикъ...—совѣтовалъ Алексисъ, раскрывая свои карты...—Я его подвигрилъ.

— О, будь покоенъ, Алексисъ... Развѣ я такія дѣла обдѣлывала?..

— Онъ придетъ на-дняхъ къ вамъ. Соглашайтесь только послѣ усиленныхъ просьбъ... Равнодушіе на себя накиньте. И старикъ-лакей пришелъ. Настасья Петровна приняла его довольно сухо, хотя и посадила. Онъ опытнымъ глазомъ оглядѣлъ бѣдную обстановку и многозначительно пожевалъ губами. Алексисъ даже съезжился отъ этого движенія.

— Мнѣ Алексисъ уже говорилъ... предупредила его вопросъ Настасья Петровна, покровительственно улыбаясь.—Что же, дѣло вѣрное. Только едва ли вы можете разсчитывать на меня, Никита Павлычъ... Я думаю уѣзжать отсюда. Развѣ я когда нибудь жила въ такой обстановкѣ?

— Помилуйте-съ, сударыня, очень даже превосходно понимаемъ и весьма помнимъ вашу фуроръ... Обождать надо малость, и все обернется въ лучшемъ видѣ. Только не уѣзжайте...

— Право, не знаю... Мнѣ здѣсь не повезло нынче.

Виѣшался Алексисъ, и разговоръ перешелъ на главное. Официантъ подвинулся къ Настасьѣ Петровнѣ совсѣмъ близко, оглядѣлся, точно боялся, что его могутъ подслушать самыя стѣны, и заговорилъ почти шепотомъ:

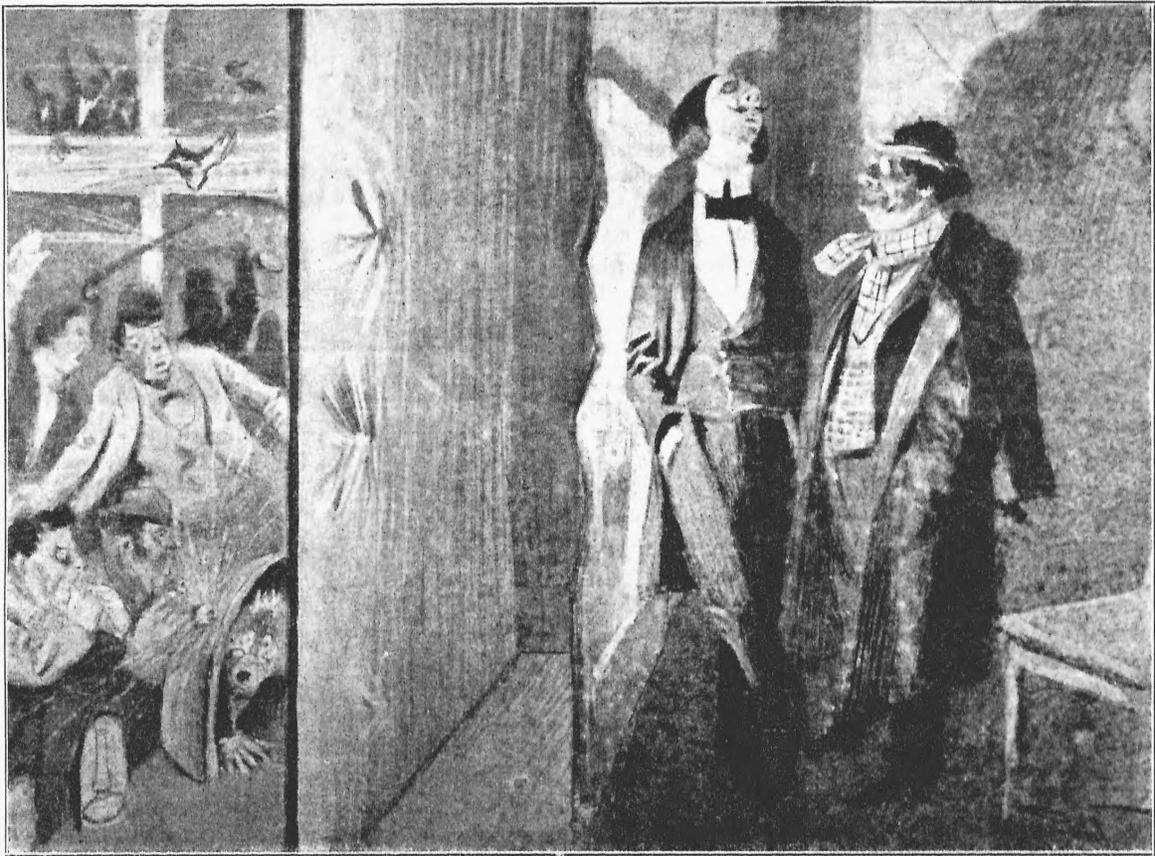
— Вѣдь, дѣло-то какое, голубушка... Вѣдь ежели такимъ манеромъ ахнуть на публику, да ежели вы въ первую голову у насъ пойдете,—что же это такое будетъ? Страшно подумать... Вотъ Алексисъ обмозговалъ все даже очень превосходно.

— Онъ знаетъ дѣло... пошутила Настасья Петровна, но привычкѣ играть глазами.—Не даромъ дѣло состояние прокутилъ.

Бывшій городской голова только вздохнулъ, подавленный своими грѣшными воспоминаніями.

— Ну, что же, бываетъ-съ...—заступилъ за него Никита Павлычъ.—Быль молодцу не укоръ. Осте-

*) См. №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10.

За кулисами театра.

(См. заграницей).

пенился у насъ. Капиталь можетъ нажить, ежели ея умыть.

— Первое дѣло: мой буфетъ... храбро заявлялъ Алексисъ.

— Ну, это, пожалуй, жирно будетъ...

— Денегъ мнѣ не нужно, а буфетъ мой. Изъ-за чего же я хлопочу-то?..

Настасья Петровна едва дождалась, когда старикъ уйдетъ. Она такъ устала, такъ устала... Когда онъ, наконецъ, ушелъ, она расплакалась.

— Зачѣмъ вы меня такъ мучите, Алексисъ... Это безчеловѣчно...

— Вогниш, терпѣние...

Ему стоило большихъ хлопотъ успокоить ее. Она и смѣялась, и плакала, и опять смѣялась. Чтобы утѣшить ее, онъ привезъ миссъ Эллиэтъ, и Настасья Петровна была счастлива. Она каждый разъ сама переодѣвала дѣвочку, кормила ее и ухаживала за ней, какъ нянька. Благодарные дѣтскіе глаза такъ ласково смотрѣли на нее, — Господи, вотъ единственное счастье, которое она знала. О, она будетъ другая, будетъ хорошая, добрая, любящая, кроткая...

— Милая, милая, милая!.. шептали поблѣвшія губы.

Въ слѣдующій разъ, по совѣту Алексиса, Настасья Петровна не приняла Никиту Павлыча, — изъ принципа необходимо было выдержать стараго чорта, который такъ быстро пошелъ на приманку изъ золотой мухи.

— Я съ нимъ самъ перевѣдаюсь... рѣшилъ Алексисъ увѣреннымъ тономъ. — Изъ нашихъ рукъ онъ не уйдетъ. И дѣйствительно, старикъ не ушелъ. Его охватила мучительная старческая жадность... Даже по ночамъ Никита Павлычъ не спалъ, а лежалъ съ открытыми глазами и высчитывалъ будущіе барыши. Алексисъ повелъ дѣло съ большою ловкостью: не лѣзъ къ нему на глаза, не выпрашивалъ денегъ, не приставалъ. Никита Павлычъ, подъ раз-

ными предложениями, нѣсколько разъ заходилъ въ „Эльдорадо“, но Алексисъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ: пусть старикъ разожжется хорошенько. Это была самая вѣрная политика...

Наступилъ, наконецъ, день, когда Никита Павлычъ понялъ, какъ нужно было дѣйствовать. Онъ поймалъ Алексиса и сунулъ ему пачку ассигнацій.

— Сколько? равнодушно спросилъ Алексисъ, не считая денегъ.

— Триста..

— Дешево покунаешь — домой не поспишь. Мнѣ вѣдь ничего отъ тебя не нужно...

— Это Настасья Петровна для перваго разу.

— Поводокъ?

— По-нашему, по-мужицки, оно такъ называется...

— Хорошо, поговорю съ Настасьей Петровной... Знаешь, какая она гордая: еще обидится... А денегъ она видала достаточно...

— Ахъ, сколько видала... Ужъ ты постарайся, Алексисъ. Ничего не пожалѣю... Съ Евграфомъ-то я самъ переговорю.

— Только испортишь дѣло... На грошъ, да пошире хочешь все устроить, а оно и порвется. Да еще проболтаешься...

— Я? Да сейчасъ провалиться... А то ужъ ты перетолкуй со старымъ дуракомъ.

— Это, пожалуй, лучше будетъ... Я уже стороной заводилъ рѣчь; ломить несообразную цѣну. Меньше двадцати тысячъ не отдамъ, грить... По моему, и за восемь тысячъ, если не приставать. Выжили онъ изъ ума и гордость свою тѣшить...

Алексису нужно было сохранить за собой положеніе главы дѣла, и онъ нарочно ломался, чтобы набить себѣ цѣну. Никита Павлычъ, пожираемый своими жадными мыслями, поддавался его вліянію и не замѣчалъ опутывавшей его тонкой плутни.

Алексисъ торжествовалъ полную побѣду, которой, конечно, и воспользовался полной мѣрой. Покойная

смерть, у себя дома, была обезпечена... Не нужно было увозить Настасью Петровну въ больницу, и деньги были дажѣ на прихоти. У Алексиса оказался настоящій хозяйственный талантъ,—онъ все умѣлъ сдѣлать дешево, все предусмотрѣть и все разсчитать. Если бы онъ для самого себя затратилъ бы хоть часть этого таланта, то не служилъ бы въ цыганскомъ хорѣ. Теперь, по вечерамъ, на дачѣ Настасьи Петровны собиралась преоригинальная компанія: миссъ Элліэтъ, Алексисъ и Никита Павлычъ. Сама хозяйка обыкновенно лежала на кушеткѣ, старый официантъ помѣщался гдѣ нибудь по близости, а гуттаперчевая дѣвочка и Алексисъ занимали публику разными дѣтскими играми. На время гуттаперчевая дѣвочка превращалась въ ребенка и хотела съ такой заразительною веселостью надѣ разными фокусами Алексиса, изображавшаго цѣлый звѣринецъ, клоунскіе номера и жонглерскія штуки. Ахъ, какъ все это было забавно... Настасья Петровна смѣялась иногда до слезъ и жалѣла только объ одномъ, что сама не можетъ принять участія въ даровомъ представленіи.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЪ. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ новинокъ и безцвѣтныхъ спектаклей, постановка оперы «Мазепа» Чайковскаго на сценѣ казеннаго театра должна быть отмѣчена какъ весьма отраднѣй фактъ въ нашей музыкальной жизни. Названная опера не ставилась уже въ теченіе 7-ми лѣтъ и вновь возобновлена для бенефиса талантливаго дирижера г. Пагани.

Опера разумена прекрасно и всѣ исполнители заслуживаютъ полной похвалы. Въ особенности выдвинулъ свою роль (Кочубей) г. Максаковъ, который послѣ сцены въ темницѣ, проведенной имъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ, вызвалъ настоящую овацию. Весьма шумно принимали также г. Пагани, своимъ знаніемъ и трудолюбіемъ поставившаго нашъ оркестръ на надлежащую высоту, г-жу Маршадъ (Марію), гг. Каміонскаго (Мазепа) и Борисенко (Андрея).

Наша антреприза въ лицѣ И. Р. Фарина, у которой оказалось больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ опытности, заканчиваетъ сезонъ съ крупнымъ дефицитомъ, превышающимъ, по слухамъ, 15,000 р. Хотя въ постигшей антрепризу матеріальной неудачѣ труппа неповинна, тѣмъ не менѣе, благодарные г. Фарина за добросовѣстное веденіе дѣла, артисты по собственной инициативѣ рѣшили отказаться отъ 9 ти дневнаго заработка и таковое рѣшеніе, изложенное въ весьма сочувственномъ адресѣ, преподнесли публично въ видѣ подарка г. Фарина въ день его бенефиса, состоявшагося 26 февраля. Въ этотъ день и публика, переполнившая театръ, очевидно простила г. Фарина его вольныя и невольныя прегрѣшенія и отнеслась къ нему весьма сочувственно.

Надо надѣяться, что на будущее время г. Фарина, которому дирекціей вновь данъ казенный театръ, окажется практичнѣе и заглядитъ свои ошибки. Одна изъ такихъ ошибокъ, а именно смѣшанный италіано-русскій составъ оперы, — имъ уже признана, какъ слышно, на будущій сезонъ формируется исключительно русская труппа, при чемъ въ репертуарѣ будутъ преобладать отечественныя оперы.

Оперетка продолжаетъ дѣлать хорошіе сборы въ театрѣ Грузинскаго Дворянства и имѣетъ притязанія водвориться постомъ въ казенномъ театрѣ. На легкую игривую музыку, даже въ жалкомъ исполненіи, у насъ очевидно большой спросъ и этимъ слѣдуетъ объяснить тотъ грустный фактъ, что мѣстное «Артистическое общество», по инициативѣ одного изъ его заправилъ, нашло нужнымъ преподнести на-дняхъ своимъ членамъ и посѣтителямъ оперетку «Путешествіе въ Китай» въ исполненіи любителей. Уступая, вѣроятно, тому же спросу, одна изъ мѣстныхъ газетъ, которая въ теченіе всего сезона замалчивала дѣятельность оперной труппы, или по временамъ выставляла ее въ тенденціозно-превратномъ видѣ, усиленно пропагандируетъ и рекламируетъ оперетку...

Д—ъ.

ХАРЬКОВЪ. Шумно и весело прошла у насъ масляница: поставлена была вся трилогія Толстого, состоялись бенефисы г-жъ Анненской, Днѣпровой, Дюковой и г. Песоцкаго. Г-жа Анненская поставила въ свой бенефисъ старую пьесу Сумбатова «Листья шелестятъ» и въ роли Вари имѣла довольно значительный успѣхъ. Артистка получила нѣсколько подарковъ и встрѣчена была цвѣтами. Бенефисъ г-жи Анненской былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальнымъ. Въ третій (!) бенефисъ г-жа Днѣпровая, одержимая тяготѣніемъ къ ноющимъ пьесамъ, выбрала «Грозу» Островскаго. Но очень жаль, что роль Катерины, которую съ большимъ успѣхомъ играла у насъ еще такъ недавно г-жа Строева-Сокольская, теперь играла г-жа Днѣпровая, которая, не въ обиду будь ей сказано, на бытовые роли едва ли годится. Мужа Катерины игралъ неважно г. Паеленковъ; было бы гораздо лучше, если бы эту роль игралъ г. Шуваловъ, который, какъ мы уже не разъ писали, обладаетъ чудесной способностью играть людей не далекихъ, забытыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Много напускного и дѣланнаго деспотизма допустила г-жа Бѣльская въ роли Кабанихи. Превосходно играли гг. Строителей, Горбачевскій и г-жа Петипа. Хорошъ былъ г. Діевскій въ роли Бориса. Г-жу Днѣпрову гимназисты встрѣтили восторженно: ни сцену брошены были фуражки съ записками и два голубя (!), но одинъ голубь упорно отказывался летѣть за кулисы и парилъ все время надъ публикой. Голубями встрѣтили и г. Шувалова. Это что-то совсѣмъ новосъ, и надобно сознаться, довольно глупое.

Въ бенефисъ г. Песоцкаго шли «Юность» Гальбе, «Послѣдній гость» Дальера и «Которая изъ двухъ». По поводу «Юности» театральные знатоки разсуждали въ антрактахъ: «Неужели вы не догадываетесь, что въ этой пьесѣ — теорія Ницше... свобода человѣческой воли, прѣзрѣніе къ коллективизму и т. д.» «Позвольте, мнѣ кажется, здѣсь просто теорія наслѣдственности». Пьеса имѣла выдающійся успѣхъ. Ронно и выдержанно игралъ Капканъ г. Павленковъ Викарія прекрасно изобразилъ г. Смирновъ, роль студента недурно провелъ бы г. Діевскій, если бы не было въ его исполненіи однообразнаго тона и нытья. Племянницу викарія съ талантомъ сыграла г-жа Днѣпровая. Полуидіота Амандуса очень хорошо провѣлъ г. Бѣжинъ, который, однако, слова «куры, куры» произноситъ такъ, что пропадаетъ вся иллюзія... Г. Песоцкій участвовалъ только въ «Послѣднемъ гостѣ». Графа превосходно игралъ г. Шуваловъ. Маска г. Песоцкаго — лицо блѣдноземлистаго цвѣта, лишенное, конечно, всякой растительности, вялая щеки, темная пятна вмѣсто глазъ, голая голова; холодная безстрастная рѣчь, медленная походка, спокойныя движенія... Съ вышней стороны «Послѣдній гость» поставленъ былъ прекрасно, но впечатлѣнія мы ожидали большаго. Публика шумно и дружно привѣтствовала г. Песоцкаго, оркестръ игралъ тушь, преподносились дорогие подарки; послѣ «Послѣдняго гостя» вся труппа, какъ полагается по театральному уставу, привѣтствовала своего главнаго и отвѣтственнаго режиссера, г-жа Дюкова подарила г. Песоцкому большой ящикъ съ серебрянымъ сервизомъ. Для прощальнаго спектакля составленъ былъ винигретъ по одному дѣйствію изъ пьесъ: «Лѣсъ», «Сафо», «Ревизоръ», «Дама съ камеліями» и «Предложеніе» А. Чехова. Всѣхъ артистокъ и артистовъ публика шумно привѣтствовала. Особенно много оваций досталось г-жамъ Строевой-Сокольской, Велизарій, Днѣпровой, Анненской и Карпенко и г. Шувалову, Смирнову, Петипа, Діевскому и Вѣжиню. Г-жѣ Строевой-Сокольской преподнесли два адреса и звѣзду съ буквой «С» изъ цвѣтовъ, г-жу Велизарій продержали подъ громомъ аплодисментовъ положительно минутъ 10, а г. Шувалова еще дольше, причемъ г-жа Дюкова преподнесла ему роскошную золотую жетонъ; серебряный жетонъ съ изображеніемъ царя Θεодора получилъ отъ публики г. Діевскій. Очень трогательно публика прощалась съ г. Смирновымъ, долго и дружно привѣтствовали г. Наумовскаго. Въ серединѣ спектакля г-жа Дюкова, въ сопровожденіи всей труппы вышла на сцену. Ей преподнесли два адреса, подарки отъ труппы, играли многократный тушь, — театръ стоналъ отъ аплодисментовъ. Такъ закончился зимній сезонъ.

Блестяще закончился и оперный сезонъ. Бенефисъ кн. Церетелли 27 февраля былъ сплошнымъ праздникомъ. Привѣтствовали вѣнками, адресами, драгоценными подарками и выигрышными билетами. Выдающимся успѣхомъ въ этомъ сезонѣ пользовались: г-жи Сюнербергъ, Полякова и Инсарова; изъ артистовъ гг. Давыдовъ, Свѣтловъ, Образцовъ, Антоновскій и Розановъ. Г. Константиновъ приглашенъ г. Буховецкимъ въ Николаевъ на первая партія баритона. Со второй недѣли поста наша опера начинаетъ свои дѣла въ Кіевѣ. Въ будущемъ сезонѣ кн. Церетелли перенеситъ свою дѣятельность въ Одессу.

ВОРОНЕЖЪ. Сезонъ принесъ антрепренершѣ нашего театра З. А. Малиновской влового сбора безъ нѣсколькихъ рублей 30 тысячъ, т. е. свыше 300 рублей на кругъ—это очень хороший результатъ для Воронежскаго дѣла.

Для характеристики условій, въ которыя былъ поставленъ репертуаръ, обозначу сборы нѣкоторыхъ пьесъ: отъ 580 до 780 рублей.

— «Фаустъ» (бенеф.), «Измаилъ», 1812 годъ (праздн.), «Мирская вдова», «Воевода» (бенеф.), «Орлеанская дѣва», «Каиново племия», «Памела», «Сафо» (бенеф.). *Отъ 500 до 500 рублей.*

— «Шейлокъ», «Контролеръ», По гривеничку за рубль, «Плѣтонъ», «Дрейфусъ-Эстергази», «Рабочая слободка», «Невинно осужденный», «Чайка» (бенеф.), «Казнь», «Укрощеніе строптивой», «Возчикъ Геншель», «Ядро», «Чаша жизни», «Наталья Борисовна» (бенеф.). Наименьшій сборъ давали общедоступные спектакли: «Маорина», «Тяжелые дни», «Дятля», «Рабочая слободка», «Сыны Израиля», а изъ поставленныхъ по обыкновеннымъ цѣнамъ: «Горе-Злосчастье», «Льсъ», «Женитьба», «Ревизоръ», «Уриэль-Акоста», «Двѣ судьбы», «Горе отъ ума», «Исторія одного увлеченія», «Столичный воздухъ», «Гамлетъ», «Свадьба Кречинскаго».

Впрочемъ, необходимо напомнить, что большое вліяніе на сборы оказываютъ, во 1-хъ, праздничные дни, во 2-хъ, пеміи въ дни спектаклей другихъ развлеченій, въ 3-хъ, погода. Общей удачѣ дѣла много помогли, прежде всего, сравнительно дешевыя цѣны на мѣста, и затѣмъ выдача билетовъ всѣмъ служащимъ въ кредитъ по чековымъ книжкамъ.

И такъ, на этотъ сезонъ едва-ли вправѣ особенно жаловаться антреприза.

Что касается публики, то она тогда только, мнѣ кажется, можетъ предъявлять къ театру большія требованія, когда самъ городъ въ лицѣ Управы, сознаетъ свою обязанность помогать предпріятію, а не давить его непосильными расходами.

И. С.—ав.

САРАТОВЪ. 7 марта въ городскомъ театрѣ состоялся концертъ канеллы Д. А. Славянского. Билеты всѣ проданы. Объявленъ концертъ въ пользу «Общества вспомоществованія молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію», съ уч. артиста Московской оперы П. А. Хохлова.

Артисты В. А. Марковскій и М. П. Ромаскевичъ въ народномъ театрѣ будущимъ сезономъ на службѣ не останутся.

На Пасхѣ у насъ, вѣроятно, состоятъ малорусскіе спектакли, такъ какъ М. М. Бородай обратился въ театральнй комитетъ съ просьбой уступить ему городской театр для означенной цѣли.

Въ составъ будущей оперной труппы приглашаются—баритонъ г. Кругловъ и меццо сопрано г-жа Томская. Канельмейстеръ и режиссеръ остаются прежніе—Л. В. Гельротъ и И. О. Палицынъ.

М. Ф. Рюминъ отъ режиссерства въ драмѣ отказался и останется въ труппѣ, какъ актеръ. Изъ главныхъ персонажей въ драматической труппѣ на будущій зимній сезонъ остается А. И. Каширинъ.

НОВОЧЕРНАССКЪ. Итоги истекшаго театральнаго сезона должны быть признаны весьма хорошими: выручено около 42000 руб.

Въ будущемъ сезонѣ у насъ будетъ опять полнвизаться смѣшанная труппа (опереточно драматическая). Пристегиваніе оперетки къ драмѣ является желаніемъ не только антрепренера С. И. Крылова, но и дирекціи театра. Г. Крыловъ заключилъ уже контрактъ со многими опереточными хористами. Изъ бывшей драматической труппы на будущій сезонъ остались только г-жи Невѣрова, Равсказова и г. Дубецкій.

КАЗАНЬ. За послѣдній мѣсяцъ зимняго театральнаго сезона были даны слѣд. пьесы: 2 февраля утромъ «Хижина дяди Тома»; вечеромъ—«Возчикъ Геншель», др. Гауптмана (во 2 разъ); 3—«Осколки минувшаго»; 4—«Новый міръ» (въ 3 разъ); 5—«Прославились» и «Между дѣломъ», пьеса Роветто (бенефисъ Горина); 7-го утромъ «Смерть Іоанна Грознаго», вечеромъ—«Отравленная совѣсть»; 8 й «Цыганка Занда», 9—«Ваалъ», др. Писемскаго (бенефисъ режиссера Рюмина); 10—«Первая муха», ком. Крылова и Величко и «Разрушенный домъ», драм. очеркъ Крылова (благотворительный спектакль); 11—«Благородная страсть», ком. А. Мельницкой; 12—«Чайка» и «Приличіе», ком. Билибина (бенефисъ М. М. Бородай); 14—утромъ «Воевода» («Сонъ на Волгѣ», вечер. «Новый міръ» (въ 4 разъ); 15—«Джентльменъ»; 16—«Испорченная жизнь» (бенефисъ Каширина); 17—«Волшебная сказка» (въ 3 разъ); 18—«Спорный вопросъ»; 19—«Стрѣлы Амура» (бенефисъ Соколовскаго); 20—«Литературно вокально-музыкальный вечеръ», съ живыми картинами (съ благотвор. цѣлью); 21—утромъ «Потонувшій колоколъ», вечеромъ—«Отверженный» и «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (въ 5 разъ); 22—«По гривеничку за рубль»; 23—«Исторія одного увлеченія», пьеса Радзивиловича (бенефисъ Свободной-Барышевой); 24—утромъ «Зимняя сказка», вечеромъ—«Новый міръ». (въ 5 разъ); (бенефисъ Агаревой-Инсаровой); 25—утромъ «Трильби», вечеромъ «Борцы»; 26—утромъ «Вотъ такъ пилюли», вол. пред. Ленскаго и «Школьный учитель, вод. Каратыгина; вечеромъ—«Счастливецъ» (бенефисъ Голубевой); 27—утромъ «Измаилъ» (во 2 разъ), вечеромъ «Новый міръ» (въ 6 разъ); 28—утромъ «Новый міръ» (въ 7-разъ), вечеромъ—«прощальный спектакль»: «Горе отъ ума», ком. Грибоедова, 3-е дѣйствіе «Безирядница» др. Островскаго, 3-е дѣйствіе «Ошибки молодости», ком. Штеллера; 5-е дѣйствіе и «Женитьба» Гоголя.

Изъ приведеннаго перечня пьесъ видно, что и въ по-

слѣдній— третій мѣсяцъ свой дѣятельности, драматическая труппа вела самый разнообразный репертуаръ и что чаще всего ставились «новые пьесы». Изъ «новинокъ», если судить по количеству спектаклей, которые они выдержали и по количеству публики, на нихъ събиравшейся, — наибольшій успѣхъ выпалъ на пьесу Баретта «Новый міръ»: она была дана семь разъ и почти постоянно шла при полныхъ сборахъ. Но успѣхъ его былъ именно количественный, а не качественный...

Не говорю о томъ, что пьеса сама по себѣ не что иное, какъ рядъ сценъ, и исполненіе ея было далеко не важно: г. Соколовскій Нерона игралъ совершеннымъ идиотомъ; довольно слабо исполнила роль Вероники—Голубева, артистка, которой не слѣдовало бы играть изысканыхъ, красивыхъ, обаятельныхъ женщинъ, а лишь грубыхъ злыхъ женщинъ; неровное, первое исполненіе г. Агаревымъ (особенно въ первыхъ спектакляхъ,—въ послѣднихъ онъ оправился и игралъ лучше) роли Мирка—не могло удовлетворить серьезныхъ требованій. Даже декорации и костюмы не были красивы.

О большомъ и заслуженномъ успѣхѣ: «Возчикъ Геншель» Гауптмана мы уже говорили («Театръ и Искусство» 1899 г., № 9). «Отравленная совѣсть» Амфитеатрона прошла безъ успѣха; «Благородная страсть», комедія мѣстнаго автора, до того слаба во всѣхъ отношеніяхъ, что, вѣроятно, больше никогда не увидитъ театральнаго рампы. «Стрѣлы Амура», пьеса педанъ у насъ въ первый разъ, въ бенефисъ Соколовскаго, успѣха не имѣла, несмотря на хорошую игру бенефицианта и г-жи Свободной-Барышевой. «Отверженный» Нотоича—имѣлъ успѣхъ, но поставленный въ концѣ сезона, не могъ быть повторенъ. Большой успѣхъ выпалъ на бенефисъ Свободной-Барышевой, для котораго было поставлено двѣ новыя пьесы: «Исторія одного увлеченія» Радзивиловича и «Клубъ обманутыхъ мужей» Дюма. Въ послѣднемъ фарсѣ особенно привлекъ вниманіе публики талантливый артистъ и режиссеръ нашего театра Рюминъ, превосходно загримировавшийся и такъ характерно произнесшій единственную почти фразу своей роли, что былъ привѣтствованъ громомъ рукоплесканій.

Послѣдній спектакль зимняго сезона—28 февраля, составленный изъ кусковъ пьесъ—былъ сплошною оваліей. Но худшее качество исполненія была не высокая, за немногими исключениями. Вообще, мы не понимаемъ постановки отдѣльныхъ актовъ. Развѣ можетъ артистъ «войти въ роль», если ему приходится вдругъ изображать напр. страданія героя, не подготовленныя предшествующими сценами? Впрочемъ, и данная цѣликомъ безсмертная «Женитьба» Гоголя, была исполнена довольно слабо.

Казанецъ.

ПЕНЗА. Вторая половина зимняго сезона прошла оживленнѣе первой, благодаря болѣе интересному репертуару и гастролемъ, сначала г-жи Азогаровой, а потомъ братьевъ Адельгеймъ.

Съ 10 го января репертуаръ былъ слѣдующій: «Шалая» (Невѣрная), «Первая муха» (благотвор. спектакль), «Откуда сырборъ загорѣлся» (бенефисъ канельмейстера), «Право любить», «Горнозаводчикъ», «Нина», «Дорина», «Послѣдняя воля» (бенефисъ Чалбевой), «Нечай Погвень». Съ 29-го января начались гастроли Азогаровой, выступившей съ громаднымъ успѣхомъ (5 спектаклей дали на кругъ почти по 400 рублей—полный сборъ 430—450 руб.). Поставлены были съ ней: «Фру-фру», «Какъ поживешь» (Дюма), «Пора», «Вторая жена» и «Санъ-Женъ» (бенефисъ Ростова); съ 7-го февраля уже до конца сезона шли гастроли братьевъ Адельгеймъ. Репертуаръ по преимуществу классическій: «Уриэль Акоста» (2 раза), «Гамлетъ», «Отелло», «Фаустъ», «Король Лиръ», «Кинъ» (2 раза), «Горе отъ ума» (бенефисъ Матвѣна), «Разбойники» (2 раза), «Шейлокъ», еще разъ «Гамлетъ», но съ перемѣною двухъ ролей (Гамлета и тѣни отца) между гастролерами, 1-ый актъ Ричарда III «Гувернеръ» (бенефисъ режиссера труппы Семенова-Самарскаго), «Блестящая карьера» (бенефисъ Трубенкой), «Эдингъ Царь» и «Нюбея» (съ Рафаиломъ Адельгеймомъ въ роли Пупыркова), «Кручина» (съ нимъ же въ роли Недыхляева (бенефисъ Пузинскаго), «Семья преступника» (Коррадо-Рафаиль) и послѣдній спектакль сборный, состоявшій изъ: 5 д. «Василиса Мелентьева», 1 д. «Первая муха», 3 д. «Отелло», 3 д. «Санъ Женъ», съ Рафаиломъ въ роли Наполсона и 3 д. (въ тавернѣ) «Кинъ». Только первые два спектакля «Уриэль Акоста» и «Гамлетъ» дали полные сборы, да три послѣднихъ спектакля на масляницѣ. Все же братья Адельгеймъ интересные артисты, обнаруживающіе удивительное знаніе ролей, несомнѣнную любовь къ дѣлу и упорную плодотворную работу. Лучшими ролями младшаго (Рафаила) приходится признать безспорно Бенъ-Акибъ («Акоста»), Яго («Отелло»), Францъ Мооръ («Разбойники») и пожалуй Шейлокъ. Старшій братъ Робертъ очень понравился въ («Кинъ»), («Акостѣ») и Карлѣ Моорѣ.

Въ заключеніе пужно сказать нѣсколько словъ о труппѣ, игравшей у насъ всю зиму, и о вторыхъ бенефисахъ артистовъ. Въ общемъ, изъ женскаго персонала весь сезонъ нравились своей игрой г-жи: Чалбѣва, Кварталова, Муратова, Трубенка,

и Бориславская въ роляхъ пожилыхъ грандъ-дамъ, главнымъ образомъ. Изъ мужского персонала пальму первенства приходится признать за г. Семеновымъ-Самарскимъ (онъ же и режиссеръ), хорошо сыгравшимъ въ свой прощальный бенефисъ «Гувернера», и получившимъ нѣсколько цѣнныхъ подношений отъ публики и труппы. Г. Ростовъ любовникъ въ роляхъ нервныхъ, какъ Робертъ («Честь») нравился. Г. Матвѣевъ своей неровной игрой нѣсколько разочаровалъ къ концу сезона публику. Изъ вторыхъ актеровъ отмѣтимъ г. Григорьева (простакъ), г. Черняева (второй любовникъ), Колпашикова (jeune comique), Данилова, второй резонеръ и Никифорова въ роляхъ старыхъ слугъ. Вторые бенефисы были значительно слабѣе первыхъ въ матеріальномъ отношеніи. Лучшій сборъ взялъ г. Семеновъ-Самарскій («Гувернеръ»), г. Пузинскій («Кручина») — худшій сборъ г. Матвѣевъ («Горе отъ ума»). Сезонъ окончился благополучно. Получили полнымъ рублемъ, но антреприза, какъ слышно, понесла убытки. На будущій годъ театръ опять за Бориславскимъ.

ЯЛТА. Драматическая труппа подъ управленіемъ С. Н. Новикова, игравшая у насъ съ 31 января по 28 февраля, составила слѣдующимъ образомъ: въ Симферополь, не кончивъ сезона, распалась труппа подъ управленіемъ г. Строева-Полина, и тѣ артисты, которымъ не на что было выхъать, а также артисты по преимуществу на вторыя и третьи роли, согласились прѣхать доигрывать сезонъ въ Ялту. Къ нимъ прибавились: неиграющіе этотъ сезонъ и живущіе въ Ялтѣ г. Череповъ-Орловскій, г-жа Попова-Азотова и самъ г. Новиковъ. Г-жа Попова-Азотова играла первыя роли, г-жа Орлова и комическихъ и драматическихъ старухъ, г-жа Шурина водеvilъная и г-жа Глинская — выходныя роли. Вотъ женскій персоналъ. Мужской: г. Череповъ-Орловскій, — на всякія роли, г. Новиковъ — комикъ, игралъ и резонеровъ, но вторыхъ игралъ такъ, что въ чувствительныхъ и долженствующихъ быть трогательными мѣстахъ, все-таки вызывалъ смѣхъ, г. Лопатинъ — простакъ и, при случаѣ, первый любовникъ, г. Никифоровъ — вторыя роли и г. Алексѣевъ — выходныя роли; этотъ послѣдній артистъ, еще молодой, очень старается и въ тѣхъ маленькихъ роляхъ, въ которыхъ мы его видѣли, заслуживалъ похвалы. Вотъ весь составъ. Такъ какъ этого все-таки не хватало, то труппа пользовалась участіемъ любителей, г. г. Никулина и Вишнякова, игравшихъ, какъ вообще играютъ любители... Такая небольшая, чтобы не сказать сильнѣе, и только что собравшаяся труппа, конечно, не могла давать спектаклей стройныхъ, съ ансамблемъ; условій необходимыхъ для того, чтобы вызвать интересъ къ труппѣ, не имѣющей въ составѣ именъ. И публика относилась къ спектаклямъ такъ, какъ надо было ожидать, т. е. почти не посѣщала ихъ; сборы едва доходили до 100 рублей, и это въ театрѣ со сборомъ до 700 рублей! Одинъ спектакль «Дармоѣдка» принуждены были отмѣнить за отсутствіемъ сбора. Такъ печально проигравъ одинъ мѣсяцъ, труппа закончила спектакли и впереди у насъ ницкихъ, кромѣ случайныхъ, представленій вплоть до сентября, когда прѣдетъ уже сформированная опереточная труппа подъ управленіемъ С. Н. Новикова. Труппа составлена довольно полная и для провинціи очень хороша. Впрочемъ, этотъ затрачиваемый С. Н. Новиковымъ капиталъ даетъ ему хорошіе проценты. На югъ лѣтомъ прѣзжаютъ пожить, отдохнуть пожуировать, и такой очень легкой родъ зрѣлищъ посѣщается весьма охотно. Миѣ сообщенъ слѣдующій составъ: Е. Н. Милютина — лирическая, В. В. Муратова — каскадная, А. Н. Борская — 2-я каскадная и лирическая партія, Лаврова — комическая старуха, Зорина — вторыя роли; Ф. А. Бобровъ — баритонъ, Ф. К. Дунаевъ — теноръ, Глуминъ, Любовь, Минаевъ и Новиковъ комики и Галбиновъ, вторыя баритонныя партіи. Капельмейстеромъ приглашенъ г. Гильдебрандтъ. Хоръ изъ 18 человекъ. Труппа начинаетъ съ Пасхи играть въ Нико-

лаевѣ, затѣмъ посѣтитъ Симферополь, Екатеринославъ, Севастополь и наконецъ Ялту. О предполагаемомъ чествованіи памяти Пушкина сообщу въ слѣдующій разъ. *И. М. Т-и.*

ЖИТОМІРЪ. Товарищество Любова закончило зимній сезонъ постановкой (во 2-ой разъ) комедіи кн. Сумбатова «Джентельменъ». Пьеса бы на разыграна очень дружно. Изъ исполнителей можно отмѣтить Любова (джентельменъ), Волховскаго (Чечновъ), Свободину (Кеттъ) и Токареву (Эмма Леопольдовна). Сборъ былъ полный. 9-го марта къ намъ прѣзжаетъ часть труппы Соловцева на четыре спектакля. *А-къ.*

УРАЛЬСКЪ. Сезонъ закончился у насъ сравнительно недурными сборами, но тѣмъ не менѣе антрепренеръ г. Громовъ навѣрное остался въ убыткѣ. Артисты жалованье свое получили все сполна. 23-го февраля состоялся юбилей А. И. Громова. Празднованіе было торжественное. Отъ артистовъ юбиляръ получилъ серебряный вѣнокъ, адресъ и хлѣбъ-соль. Затѣмъ отъ служащихъ поданъ былъ адресъ и также хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ съ полотенцемъ. Прочитаны были телеграммы, присланныя юбиляру отъ труппъ и разныхъ лицъ: изъ Вологды, Вятки, Владимира, Нижнего-Новгорода, Тифлиса, Екатеринбургa, Тулы, Рыбинска, Шадринска, Москвы, Петербурга, Баку, Батума, Витебска, Иванова-Вознесенска и Саратова. Юбиляръ сказалъ труппѣ рѣчь, вызвавшую живѣйшее одобреніе. Г. Громовъ выступилъ въ роли Антушева въ пьесѣ Гнѣдича «Разгромъ».

Заканчивая отчетъ о дѣятельности нашего театра, пора высказаться относительно исполнителей. Артистка г-жа Смолить, замѣнившая г-жу Лавровскую, на драматическія роли, пользовалась у публики солиднымъ успѣхомъ. Г-жа Бартенева, на роли ingénue dramatique и comique была любимицей публики. Г-жа Миревичъ, водеvilъная, съ весьма симпатичнымъ голосомъ; исполненіе бойкое, живое и благодаря тому, что мужъ ея г. Лавровъ, простакъ, всегда былъ ея партнеромъ, водевилы шли очень живо, весело и смотрѣлись съ удовольствіемъ. Въ мужскомъ персоналѣ, кромѣ г. Громова, отмѣтимъ г. Ленскаго-Самборскаго, г. Никольскаго, фата. Хорошо игралъ Годду въ пьесѣ «Казнь». Слабъ г. Пономаревъ, герой-любовникъ. Въ общемъ спектакли шли прилично, хотя полного ансамбля у г. Громова и не было. Съ Пасхи, какъ слышно, у насъ будетъ малорусская труппа; малоросовъ уральцы очень любятъ. *Н. С.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Г. Никулинъ, нашъ антрепренеръ, закончилъ сезонъ крупнымъ дефицитомъ. Это неудивительно: драматическая труппа была составлена крайне неудачно, цѣною подешевле, количествомъ побольше. Не было драматическаго любовника, т. е. настоящаго любовника, потому что на этомъ амбула подвизался самъ антрепренеръ г. Никулинъ, но, надо сказать правду, крайне неудачно. Въ женскомъ персоналѣ не было порядочныхъ комической и драматической ingénue, не было также водеvilъной актрисы. Съ такими силами ничего не подѣлаешь и ставить ничего серьезнаго нельзя. Г. Никулинъ держался переводныхъ французскихъ мелодрамъ, затѣмъ ставилъ очень много новыхъ пьесъ, плохихъ и безсодержательныхъ, рѣшительно не дававшихъ сборовъ.

Такимъ образомъ, Екатеринославъ, большой, бойкій и театралный городъ, далъ г. Никулану крупный дефицитъ. Тѣмъ не менѣе онъ расплатился полнымъ рублемъ. Зимняго театра у насъ нѣтъ, а играютъ въ аудиторіи народныхъ чтеній, не имѣющей ложъ, а одинъ только партеръ. Это, разумѣется, убійственнымъ образомъ дѣйствовало на сборы.

На великій постъ аудиторію снялъ г. Шильдретъ, бывшій режиссеръ г. Никулина, составившій товарищество, причемъ на шесть гастролей приглашенъ М. В. Дальскій. Съ 9 марта онъ играетъ ежедневно, по 100 р. за выходъ. Спектакли слѣдующіе: «Гамлетъ», «Эрнани», «Женитба Бѣлугина», «Доходное мѣсто», «Горе отъ ума». *Р.*

Редакторъ Я. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

КРАСКА

— Д Л Я В О Л О С Ъ —

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

А Л Е К С А Н Д Р А Т Е Р К Е .

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

Главный складъ А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь № 2. Получать можно вездѣ.

Вышло въ свѣтъ роскошное иллюстрированное изданіе

„Наши артистки“.

№ 1-й

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

Критическій этюдъ Ю. Д. БѢЛЯЕВА.

Цѣна 1 руб.

Изд. СПб. Т-ва печ. и изд. дѣла «Трудъ»

Складъ изданія: СПб. Фонтанка, 86. Получить можно во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи журнала «Театръ и Искусство».

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый.

Краска „Натурель“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія „ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. 216 (г.—3)

Мастерская струнныхъ инструментовъ В. В. ИВАНОВА.

Сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратно-изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипки, альты, виолончели, контрабасы, смычковъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандалинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гусель всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—1).

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(РАТРИМ)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ф. Арбенина. (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала

„Театръ и Искусство“,

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораціей при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, Спб. Моховая, 45.

ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДѢ

Привилегія № 3.

Изобрѣтатель усовершенствованныхъ балалаекъ.

Скрипки, Альты, Виолончели и Контрабасы,
Гитары, Мандолины и Цитры.

Гитары отъ 2 руб.—Мандолины съ механикою отъ 4 руб.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

БАЛАЛАЙКИ

Хроматическія съ 16-ю (и болѣе) ладами отъ 1 р. 50 к.

Балалайки, Контрабасы отъ 12 р.

Басы отъ 8 р.

Альтъ, Секунда и Теноръ отъ 4 р.

Дискантъ и Пиколо отъ 3 р.

Прима отъ 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 4, 6, 8, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 руб.

Домры: малая отъ 10 р. до 35 р., альтовая отъ 15 до 50 р.

Вѣнскія цитры отъ 6 р.

Народныя цитры отъ 2 р. 75 к.

Гудокъ отъ 6 р.

Врелка отъ 4 р.

Школы и ноты для домръ и балалаекъ собственнаго изданія.

Струны самыя лучшія, для всѣхъ инструментовъ отъ 5 к., 10 к., 15 к. и 20 к., итальянскія 25 к., провѣренныя 30 к.

Скрипки отъ 1 р. до 200 р.

Смычки отъ 30 к. до 25 р.

Альты отъ 4 р.

Виолончели отъ 10 р.

Контрабасы отъ 25 р.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ и ВЪ РОЗНИЦУ.

С.-Петербургъ, Караванная ул., уголъ Большой Итальянской.

Усовершенствовавшая русскую народную балалайку.

Скрипичный мастеръ Ф. Пасербскій.

Гитарный мастеръ Ф. Пасербскій.